

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1904
Книга вторая

Сергей Савинов

Японская война
1904. Книга вторая

«Емельянов Антон»
«Савинов С.А.»

2026

Савинов С. А.

Японская война 1904. Книга вторая / С. А. Савинов —
«Емельянов Антон», «Савинов С.А.», 2026

Обычно книги о Русско-японской войне – это сражения на море. Крейсер «Варяг», Порт-Артур, Цусима Но ведь в то время была еще и большая кампания на суше, где были свои герои, где на Мукденской дороге встретились и познакомились будущие лидеры Белого движения, где многие впервые увидели знамения грядущей мировой войны и революции. Что, если медик из сегодня перенесется в самое начало 20 века в тело русского офицера? Совсем не героя, а сволочи и формалиста, каких тоже было немало. Исправить репутацию, подтянуть медицину, выиграть пару сражений, а там – как пойдет.Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. На море близится Цусима, а на суше Есть ли шанс спасти Порт-Артур?

© Савинов С. А., 2026

© Емельянов Антон, 2026

© Савинов С.А., 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Савинов

Японская война 1904. Книга вторая

Глава 1

Маневры, маневры, маневры!

Всегда все дело в них. Ясуката Оку искренне гордился проведенной у Цзиньчжоу операцией. Издавна проход с материка на Квантунский полуостров был отгорожен этим узким перешейком, который либо удавалось взять сразу, либо армии могли стоять там месяцами. Даже флот Того, доказавший превосходство японских моряков над русскими, не мог тут помочь, потому что море вокруг Квантуна, как известно, состоит из тысяч отмелей, через которые невозможно пробиться.

Но эта невозможность и стала его, генерала Оку, оружием. Сначала высадка в Бицзыво. Русские-то ждали их в Инкоу, где есть нормальные места для подхода транспортов, но настоящее оружие японца – это его дух. Они выбрали сложное место: солдаты 2-й армии несколько километров шли по грудь в соленой воде, неся винтовки и припасы на вытянутых руках. Удвоенную норму! Потому что Оку до последнего ждал самоубийственной атаки миноносцев – то, что сделал бы сам на месте русских офицеров, чтобы любой ценой помешать десанту. И тогда высадившимся солдатам какое-то время пришлось бы удерживать плацдарм только с тем, что они взяли с собой.

Но русские не решились. Одного неожиданно выбранного места оказалось достаточно для успеха. Дальше, правда, стало сложнее. Русский полковник Третьяков, перекрывший Цзиньчжоу, оказался опытным командиром. Его солдаты подготовили укрепления, они даже отбили несколько атак, но... Разве этого могло быть достаточно! Почему-то русским не подвезли дополнительные снаряды, и Оку воспользовался моментом. С правого края перешейка к Цзиньчжоу подошли четыре японские канонерки.

Самоубийственная атака. Лодки садились на мели во время отливов, а во время приливов, напрягая все силы двигателей, ползли вперед. Будь у русских пушки помощнее, и ничего бы не получилось. Но их опять же не рискнули подтянуть из глубины полуострова. Полковник, удерживающий Цзиньчжоу, как рассчитывал с самого начала только на 13 своих рот, так это и не изменилось до самого конца.

Под прикрытием канонерок русским пришлось отвести часть своих сил назад, и Оку тут же этим воспользовался. Новый отлив, и пятая дивизия пошла в обход прямо по отмелям. Увы, окружение не вышло, но это было и не нужно. Главное, русские отступили с перешейка, где могли бы доставить японской армии неприятности, и Оку добился этого сам. Силы генерала Ноги оказались нетронуты, и теперь они, свежие и полные энергии, могли продолжить рывок к Порт-Артуру.

Оку улыбнулся, вспоминая тот момент – как на него смотрели солдаты и офицеры. Тогда больше никто не сомневался, что он за дело получил титул дансяку и стал частью одного из величественных родов Японии. И пусть это всего лишь пятый, низший ранг из кандзоку, но это ведь и не последняя его победа. Война только начиналась, и русские точно не планировали устать без боя.

Одна только ситуация в порте Дальний красноречиво говорила об этом. Враг ушел оттуда – вывел гарнизон, припасы, мирных жителей, но не стал ничего сжигать. Казалось бы, заводи в тот же день корабли, вот только все было не так просто. На внешнем рейде города русские миноносцы вывалили несколько сотен мин, и пусть без прикрытия их можно было тралить, и

флот разгребал их днями и ночами, но... Становилось очевидно, что русские просто выигрывали себе время.

Месяц, два – на сколько они рассчитывали, чтобы собраться с силами и вернуть сохраненный для себя же город? Попытка пробить блокаду полуострова была неизбежна, и именно поэтому Оку почти сразу начал движение на север. Без отдыха, без новых пополнений. Ему нужно было встретить русский удар как можно выше, там, где его еще не будут ждать. Где не смогут отразить. Маневры – это суть войны, то, что двигает по жилам ее кровь: людей и снаряды.

После Цзиньчжоу Оку был уверен, что в этом японцы точно превосходят русских. Скоростью, дерзостью, жадной победы. Но у станции Вафангоу все пошло не так, и яшмовое кольцо, которое бы так подошло к новому титулу и ордену Золотого ястреба, пришлось снять и убрать в дальний ящик. Как так получилось?.. Сначала дерзкие наскоки небольших отрядов казаков. Если на подступах к Порт-Артуру это его люди дерзко налетали на растерянные русские колонны, обстреливая их из легких французских пулеметов, то сейчас все словно встало с ног на голову.

Причем русские пулеметы на телегах были гораздо удобнее. Японские пешие тройки пулеметчиков были вынуждены атаковать с большой дистанции, чтобы успеть уйти после того, как их обнаружат. Русские же, пользуясь складками местности, могли выскочить чуть ли не вплотную. А попробуешь перекрыть все патрулями – и они уже станут пищей для обычных казачьих разъездов. Дальше больше.

Когда дошло до столкновения основных сил поблизости от станции Вафангоу, выяснилось, что русские очень точно стреляют. Слишком точно! Словно не люди, а настоящие ёкаи, что пришли на помощь гайдзинам, чтобы известить народ нихондзин! Но сила – это не страшно. И Оку, и его солдаты были готовы к тому, что враг окажется силен. Однако русские попытались украсть и другое их главное оружие – маневры.

Они двигались во время боя – немного, но никогда нельзя было понять, где их оборона сильна, где тонка. Они двигались, когда бой затихал – теперь уже совершая целые переходы, словно им было все равно, где защищаться и как атаковать. И что самое обидное: пусть у русских и был один-единственный полк, все равно нельзя было его просто проигнорировать. Забудешь про такого опасного противника, подставишь спину, и тот ведь даже задумываться не будет, прежде чем вонзить в нее свои клыки. Именно поэтому Оку решил поскорее закрыть этот вопрос и отправил в сторону дерзкого полка 5-ю дивизию.

Тридцать из сорока восьми рот били по центру, а остальные при поддержке 5-го кавалерийского пошли в обход. Если русские снова решат перестраиваться или отступать посреди боя, то он их возьмет прямо на марше. Маневры – да, они важны, но сила тоже имеет значение!

Смотрю по сторонам, прикидываю варианты.

За несколько часов наступления ситуация, которая изначально напоминала хаос, успела стабилизироваться. Удар в стык японских отрядов позволил добраться до полковой артиллерии, обеспечив успех первого этапа. После этого участь передовых отрядов 5-й дивизии, оказавшихся в огневом мешке между нами и мортирами, оказалась решена. Дальше мы так и двигались.

Пехота идет по равнине. Попались японцы – встали, сдержали их снайперами, а там и мортиры подтягиваются по идущей вдоль сопки декавилюке и довершают разгром. Медленно, планомерно... Казалось, ничто нас не сможет остановить, но в то же время я понимал: если японцы совершат обход – а рано или поздно они к этому придут, такова их тактика в этой войне – и уже мы окажемся в тисках. И никакие мортиры с их смешной дальностью не помогут, когда гаубицы и полноценная полевая артиллерия начнут вбивать нас в землю.

– Есть новости с севера? – я с надеждой посмотрел на ординарца Врангеля, прибывшего от барона с очередным донесением.

– Одишелидзе подтянул передовые части в Вафангоу, так что, пока мы держим свою ветку железной дороги, сможет и дальше гнать раненых в тыл.

Я кивнул. Хорошая новость: очень не хотелось терять возможность оперативно переправлять моих солдат в нормальные госпитали. Да, из-за этого пришлось хорошенько подумывать над логистикой, чтобы состыковать движение и санитарных, и грузовых эшелонов. Но пара запасных веток декавилки, приданная Алексеевым рота железнодорожных инженеров и несколько добровольцев из нестроевых, которые раньше работали на Транссибе, помогли наладить работу.

– Мищенко?

– Разъезды дежурят в том направлении, но пока ничего.

Я нахмурился, но что делать. Да, было бы приятно решить все здесь и сейчас, но мы и сами еще повоюем. Я отдал приказ снова перевозить две из четырех батарей мортир. Одновременно батальоны Шереметева и Мелехова начали разбиваться на роты и расползаться по складкам местности. Давно прошли времена, когда полк – это плотный квадрат, занимающий свое строгое место на поле боя. Теперь полк – это отдельные роты и даже отделения со взводами, у каждого из которых есть свой маршрут, своя цель...

И при таком подходе еще больше растет роль офицеров. Чтобы могли действовать самостоятельно, чтобы не боялись принимать решения, чтобы эти решения были продиктованы не паникой, а здравым смыслом. И тут помогли наши игры. Старшие офицеры отработали сотни разных ситуаций со мной, потом еще тысячи – с младшими. И пусть этот опыт не сравнить с реальными сражениями, но он был. А вот страха неизвестности не было, и не было глупых детских ошибок, которых я так боялся.

Вот перед нами показались очередные укрепления, которые японцы возводили, стараясь выиграть время и разобраться, что же случилось с их передовыми отрядами. Одновременно с этим подтянулась дивизионная артиллерия, принявшись отрабатывать по уже покинутым позициям наших мортир. Мы же выжидали. Кажется, паузы – это слабость, но на самом деле правильно примененное давление неизвестностью – это тоже прием.

– Ждем! – я слышал, как приказ гуляет по балкам и низинам между сопками, где собрались наши силы.

Беспокоящий огонь снайперов не мог нанести японцам серьезного вреда, но он сделал главное. Их командир не выдержал и скомандовал атаку. Ускоренный штурм – это когда ты атакуешь, еще не подавив вражеские позиции. Тоже вполне себе прием, что немцы доказали в Первую мировую войну. Но только если враг растерялся, подавлен и не готов. Мы же, наоборот, ждали этого удара и встретили японские ряды плотным огнем. Более того, одна из перенесенных мортирных батарей открыла огонь, еще больше усиливая панику.

Увы, японские пушки тут же сосредоточились на ней, и мало кто сможет пережить этот обстрел, но свое дело мортиры сделали. Десятки 30-килограммовых снарядов секли врагов не только осколками, не только взрывной волной, но и тысячами мелких камней, выбитых из окрестных сопки. Враг поплыл, и мы снова рванули вперед. Разбить, прорвать ряды, добраться до артиллерии. Как говорится, лучшее средство от бомбардировок – это танки на вражеском аэродроме, а от пушек – твои солдаты на их позициях.

– Хорунженков, вперед! – я увидел, что, несмотря на первый успех, солдатам уже не хватает свежести, поэтому двинул в атаку свой единственный резерв.

Мобильная усиленная рота капитана Хорунженкова ждала этого момента с самого утра. Воспользовавшись дырой во вражеских позициях, которые пробili Мелехов и Шереметев, они без паузы пронеслись вперед. Два километра до пушек – японцам пришлось подвести их довольно близко, чтобы сопки не мешали нас обстреливать. Врагу, правда, казалось, что и этой

дистанции хватит, чтобы подготовиться к любой ответной атаке. Вот только моя аналоговая мотопехота на лошадиной тяге преодолела их за считанные минуты!

По ним стреляли – несколько десятков солдат и лошадей скатились с дороги, но выжившие добрались до цели. Японцам только и оставалось, что взрывать орудия и откатываться назад. А мы наступали... Сил не было, но мы шли вперед. А потом слева, где до этого сопротивлялись только разрозненные отряды разбитых частей 5-й дивизии, показались свежие плотно шагающие колонны.

– Обошли! Обошли нас! – кто-то из солдат попробовал запаниковать, но тут же получил в зубы от своего унтера.

– Держать строй!

– Держать строй!

Знакомые команды прокатились по всей линии фронта, и мы медленно начали откатываться назад. Не получилось додавить японцев – все-таки их было гораздо больше. Нет, не так: было бы слишком просто и неуважительно свалить все на количество! Дело не в том, что их было больше, но японцы еще и сражались до последнего, выигрывая секунды и минуты для своего командира, который тоже не стал полагаться только на силу и с самого начала начал еще и обход.

– Отходим к Мяогоу, – выдохнул я. – Первым идет... – я оценил состояние своих частей. – Второй батальон! Занимает позицию и готовится прикрывать остальных.

– Ваше высокоблагородие! – в уши вонзился крик одного из северных дозорных, и я, словно поддавшись какому-то наваждению, остановил связиста. Подождет приказ об отступлении еще минуту.

– Что там?

– Идут, ваше высокоблагородие! Генерал Мищенко и отдельная Забайкальская казачья!

– Далеко?

– В часе от нас. По дороге наткнулись на японскую кавалерию, потому и задержались. Но к бою готовы! Передают, что будут атаковать с ходу!

– Тогда... Продолжаем наступление! – я сжал зубы.

Да, так будет тяжелее. Однако, пока мы давим, японцы меньше стреляют, меньше думают о контратаках, а значит, и наши потери тоже меньше. А еще... Кавалерия – это кавалерия, в 20-м веке в лоб ей не взять готовую к бою пехоту с магазинными винтовками. Но вот если мы свяжем ее боем!..

Атака кавалерии – это страшное дело. Я уже видел, как это бывает, но тут каждый раз будто первый. Вот мы вклинились в ряды японцев, вот те упираются, а потом... Вырвавшиеся с фланга эскадроны Забайкальской казачьей бригады рассекли еще недавно стройные ряды на части. Простучали копыта, просвистели шашки, пролетело яростное «ура», и два еще недавно упорно сражающихся батальона 5-й дивизии исчезли без следа.

– Павел Иванович, – поздоровался я с Мищенко, который заметил мою ставку и лично заскочил уточнить дальнейшие планы. А ведь уже в годах генерал, и все равно: на коне, с бисеринками пота на лбу и кровью на шашке. – Спасибо, что успели! И что пришли!

Я сам не заметил, как выдал один из китайских поклонов. Как перед равным, но с уважением и признанием долга.

– Как тут не прийти, когда от вас такой убедительный конец прискакал, – генерал улыбнулся в усы. – С письмом, горящим взглядом и дыркой в боку. Как такому казаку и не поверить.

– Буденный ранен? – выдохнул я.

– Его попытались перехватить по дороге, но он десять бандитов сам зарубил, еще от десятка ушел. И за все время получил только одну царапину саблей да след от пули по касательной. Храбрый и в рубашке родился. Я бы такому есаула или даже старшину легко дал бы!

– Спасибо, но я пока все же с Вячеславом Григорьевичем останусь, – из-за спины Мищенко показался Семен. Действительно бледный, замотанный бинтами, но на коне. Вот же, совсем себя не бережет!

– Хорунжий Буденный, тогда слушайте приказ. Срочно в санчасть: спешиться, доложиться и вместе с остальными отбыть на санитарном поезде.

– Я хотел сначала рассказать про тех, кто пытался мне помешать, – Семен упрямо опустил голову. – Одна группа – это новенькие добровольцы. Лиц я не разглядел, но одежда и повадки – все о том говорит. А вторая – это хунхузы, но их наниматель японец. Причем японец из военной разведки, и мне рассказали способ, как выйти с ним на связь!

Очень хотелось сказать – какие, мол, японцы и разведка, когда у нас тут настоящая война. Но проблема-то на самом деле важная.

– Если вас в госпиталь повезут, то и расскажете все жандармам, они проверят след, – Мищенко предложил самый простой вариант.

– Раньше не нашли и сейчас могут упустить, – Буденный продолжал бычить лоб. Он не говорил это прямо, но и так было понятно: одно дело сами японцы, другое дело наши, которые действовали с ними заодно. Кто их прикрывал, не сможет ли этот человек вмешаться в расследование? Определенно не хотелось рисковать.

– Тогда вам придется подождать меня, – решил я. – А еще... У Врангеля, слышал, несколько казаков получили легкие ранения – берите их в свое подчинение. Как ляжете в госпиталь, разместите их рядом и задерживайте всех, кто помимо врачей решит с вами поговорить. Понимаете?

– Думаете, меня решат устранить? – задумался Семен. – Может, тогда еще слух пустить, что у меня есть важная информация, и я очень жду вашего возвращения, чтобы ее рассказать?

– Лучше не переигрывать, – я покачал головой. – Не будем держать врагов за идиотов. Сделаем все слишком явно, и они, наоборот, решат затаиться.

Я проводил Семена, а потом мы с Мищенко вернулись к обсуждению боевой обстановки. Пауза после разгрома ближайших японских сил подходила к концу, и нужно было принимать решение, куда и как нам двигаться дальше.

– Насколько вы готовы действовать? – я внимательно посмотрел на Мищенко. И это был не пустой вопрос. Одно дело нанести быстрый удар почти рядом с зоной, которую тебе доверили прикрывать, и совсем другое – решиться на что-то большее. А то ведь так и против извечного «как бы чего не вышло» придется пойти.

– Мы без обоза, припасов взяли на три дня, – Павел Иванович скромно намекнул, что остальное уже и не важно. Казачья бригада может и будет сама принимать решения.

– Тогда предлагаю вам провести рейд по тылам Оку, – решил я и вытащил карту. – Смотрите, его основные силы собрались перед Вафангоу, мы вместе сейчас пробили их правый фланг, так что... Тут верный шанс оторваться от японской пехоты и уничтожить все, что они успели подвезти к передовой.

– Не слишком спешите? – задумался Мищенко. – Вы, конечно, сегодня немало японцев пбили, и мы хорошо поработали. Но тут потеря – одна дивизия, и то ее половина откатится назад и вольется в другие части. Обидно, но сама армия потеряет не так много силы. А командир 2-го корпуса Одишелидзе, как я понял, не особо спешит выдвигаться вперед.

– Он хотя бы держит железную дорогу, и то польза, – я широко улыбнулся. – А еще японцы-то не знают, что хрен он пойдет в наступление, и поэтому будут вынуждены учитывать, что их смогут зажать.

Я нарисовал на карте дугу, по которой предлагал двигаться Забайкальской казачьей бригаде в японских тылах. Начинаясь на правом фланге, она заканчивалась на левом, словно замыкая оперативный мешок и...

– Если получится, Оку не останется ничего другого, как прорываться обратно к Порт-Артуру... – начал Мищенко.

– Чего он не будет делать, – сразу же добавил я. – Его задача сорвать попытку прорыва блокады, поэтому он будет до последнего держать наши основные силы вдали от Квантуна.

– Ну да, если мы на его плечах ворвемся на Ляодун и зажмем их на полуострове, причем с другой стороны будет еще и гарнизон Порт-Артура – его за такое по головке не погладят. Но тогда, если Оку отойдет на запад, то... Что будете делать вы?

– Если он отойдет, то железная дорога будет свободна, и уже я бы дошел до Цзиньчжоу.

– Вам не прорваться к Порт-Артуру, там армия Ноги, почти 100 тысяч человек.

– Всего 50 тысяч, но да, не прорваться, – я развел руками. – Но тут ведь дело не столько в победе, сколько в том, чтобы показать, что мы это можем. Чтобы японцы всегда дрожали за свой тыл, чтобы не могли отправить все орудия к Порт-Артуру, в конце концов, если повезет, то и наши увидят, что свои рядом, и им станет проще держаться.

– Хорошее дело, – согласился Мищенко и крепко сжал мою ладонь в своей медвежьей хватке. – Главное вернитесь, вас тут... будут ждать.

– Вернусь, – я ответил на рукопожатие. – Мы же не будем ввязываться в безнадежные схватки. Начнут давить, так просто уйдем. Уж в скорости японцам нас точно не обойти.

В этот момент я на самом деле верил, что именно так все и будет.

Глава 2

Татьяне Гагариной только 6 сентября должно было исполниться 20, отец никак не хотел отпускать ее так далеко от столицы, но она смогла настоять на своем. Не зря столько времени проводила у дяди, Андрея Григорьевича, ректора Санкт-Петербургского Политехнического. Тот всегда учил и ее, и своих студентов, что они должны уметь думать и стоять за свои свободы. Говорят, что из-за этой своей принципиальности дядя ссорился с самим министром финансов Коковцевым, с другой стороны, за эту же твердость во взглядах его заметил и приблизил сам Витте.

– А вы читали последнюю статью в «Ведомостях»? Говорят, первые из спасенных им в Корее пленников доехали до Москвы, и там их встретил сам великий князь Сергей Александрович... – до слуха Татьяны долетели голоса вечно трущихся у госпиталя свитских.

– Кажется, звезда полковника Макарова снова загорится.

– Если он доживет до этого. Говорят, генерал Одишелидзе отправил Макарова в самое горячее место.

Услышав знакомое имя, Татьяна сразу подобралась. Она ведь в тот вечер была в столь сильном волнении, что так и не поблагодарила своего спасителя. А он ведь из-за нее поссорился с великим князем, генералами, карьеру испортил. Ради нее... Девушка сама не заметила, как у нее на щеках появился румянец. Впрочем, она никогда не обращала внимание на такие мелочи, когда собиралась сделать что-то важное.

Вот и сейчас, как бы между прочим подойдя к двум поручикам из штаба Куропаткина, Татьяна ловко включилась в разговор. Пара общих фраз, и она уже почти было задала главный вопрос – как там полковник... Но именно в этот момент в госпиталь заглянул сам Алексей Николаевич.

– А вы интересуетесь войной? – от Куропаткина пахло дождем и свежим сигарным дымом. – Мне казалось, наши прекрасные дамы думают только о спасении жизней.

– Мы ведь по госпиталю не молча ходим и улыбаемся, – Татьяна постаралась успокоиться. – Солдаты и офицеры задают вопросы, и было бы хорошо, если бы мы могли на них ответить. Или иногда они спорят друг с другом, и тоже было бы нелишним знать, как их успокоить.

– И какие же вопросы нынче обсуждают в госпитале? – у Куропаткина было благодушное настроение.

– Первое, на что жалуются раненые: у японцев всегда больше патронов, – начала Татьяна. – Наш солдат несет 7 фунтов еды, включая хлеб и консервы, и 4 с половиной фунта патронов. А японский – 2 фунта риса, зато патронов аж 9 фунтов.

– Хм, – Куропаткин сначала растерялся от неожиданно конкретных цифр, совсем не того он ждал от милой девушки в госпитале Красного Креста. – Нормальное питание важно. Кому как не вам, медсестре, знать, что без него тут бы лежало больше солдат с желудочными болезнями, чем раненых.

– Питание важно, но... У японцев еще на каждого по 9 фунтов патронов в дивизионном обозе лежит. И по 600 человек носильщиков на каждый полк, чтобы все это доставить по первому требованию. А у нас всего 200 нестроевых.

– Вы общались с полковником Макаровым? Тот тоже все про патроны рассказывал. И через Засулича писал донесения, и лично... – Куропаткин нахмурился, да так грозно, что Татьяна чуть не замолчала.

Но тут в разговор включился один из больных.

– Лайминг Николай Александрович, – один из недавно начавших ходить раненых подошел и вытянулся перед генералом. – Полковник, 11-й Восточно-Сибирский стрелковый, был ранен под Тюренченом и наверняка бы умер, если бы полковник Макаров не прорвал наше

окружение. Я хотел согласиться с милой Татьяной, что патронов нам не хватило. Японцы и стрелять начинают раньше, и не прекращают огня, как наши, экономя запас. Пожалуй, единственные, кто стреляет больше, чем они – это части как раз того самого Макарова.

– Николай Александрович? – Куропаткин сначала хотел было вспылить, но потом неожиданно сменил гнев на милость. – А ведь мы вместе сражались вместе в Ахал-Текинской экспедиции?

– Так точно, отличился с вами при штурме Геок-Тепе, получил за это 2-го Станислава!

Татьяна про себя в этот момент в очередной раз удивилась, насколько же важно для мужчин боевое братство. Вот еще мгновение назад Куропаткин был готов тут всех растерзать, а теперь... Расслабился и на самом деле готов слушать.

– Что ж, я подумаю над вашими словами, – кивнул он. – Может быть, есть что-то еще?

– Есть... – Лайминг морщился из-за ран, но продолжал стоять по струнке.

Татьяне очень хотелось ему помочь, но она – дочь князя и как никто другой знала, что иногда честь важнее, чем боль. Сейчас для полковника было важно показать себя перед старым командиром, показать самому себе, что он еще что-то может. И поэтому она тоже стояла и ждала: вот уйдет Куропаткин, и тогда она все этому Лаймингу выскажет. Поможет и выскажет, а заодно расспросит, каков в обычной жизни тот, кто не побоялся заступиться за нее даже перед самым великим князем.

Лайминг тем временем опять рассказывал про Макарова:

– Понимаете, наши полки – они пехотные, вся кавалерия и орудия прикреплены к корпусу. А у самураев даже на таком уровне все есть. И в итоге на конкретных участках такой же японский полковник может поставить против меня пушки или пустить пару эскадронов в обход, а я – нет.

– Вы не учитываете, что ваш командир корпуса может собрать больше орудий в точке прорыва и переломить ход сражения.

– Или не может, – просто возразил Лайминг. – Я однажды слышал, как Макаров говорил своим, что современная война стала шире. Каждый отряд теперь прикрывает несколько километров фронта, любое подкрепление идет не минуты, а часы или даже дни. И тот, кто лучше готов на тактическом уровне, в итоге получает и стратегическое преимущество.

– Слова...

– Он выбил себе в полк кавалерию и пушки, – возразил Лайминг. – И умело ими воспользовался. Разве не он превратил разгром на Ялу в обычное отступление? Или вон сегодня начали приходить раненые с Вафангоу – так он там одним полком сдерживает дивизию.

– И раненых при этом меньше сотни! – Татьяна не удержалась и вмешалась в разговор.

– К сожалению, те, кто доехал до вас – это вовсе не все, кто пострадал на поле боя. Вы же сами знаете, насколько может затянуться вывоз раненых под огнем врага. Тем более при таком неравенстве сил, – Татьяне показалось, что Куропаткин, несмотря на поучительный тон, все же задумался. Или вспомнил своего бывшего командира, который тоже не стеснялся бить врага, даже если у того было больше дивизий и батальонов.

– Все доехали! – девушка улыбнулась и полыхнула гордостью. – Полковник использует санитарный поезд. Причем не как обычно, когда он стоит в тылу, а всех раненых туда возят на линейках и телегах. Или даже на своих двоих гонят... Нет, они проложили рельсы, и поезд залетает прямо на первую линию, там всех грузят – без тряски и быстро. А потом в тыл! Перевязки делают на ходу, остальное уже, когда вагоны доберутся до нас.

– Ловко придумано, – Лайминг искренне восхитился. – Не знаю, чего полковнику стоило договориться с железной дорогой, чтобы его вагоны цепляли к проходящим составам. Но он все больше меня удивляет.

– И меня... – Куропаткин развернулся и, отложив то, ради чего собирался заглядывать в госпиталь, поспешил по своим делам.

Татьяна проводила генерала задумчивым взглядом, а потом резко повернулась к Лаймингу и подставила ему плечо. Вовремя – того как раз повело, и он начал заваливаться набок. Свитские, все это время молча таращившие глаза, наконец отмерли и подбежали, чтобы помочь. Ну, лучше поздно, чем никогда... Татьяна неожиданно поняла, что эта фраза подходит и ей самой.

Потираю руки и пытаюсь прикинуть, а по мне ли будет эта ноша.

После прорыва левого фланга армии Оку Мищенко заставил японцев отойти от железной дороги, ну а мы двинулись по ней, перехватывая все идущие нам навстречу неприятельские составы. Еда, снаряды, несколько вагонов какого-то строительного инвентаря, которому так порадовались приданные нам железнодорожники – пока новости об изменении обстановки не дошли до японских тылов, все это доставалось нам без боя. Даже последний состав с двумя ротами подкрепления для 2-й армии мы окружили и разоружили, потратив патроны на одну-единственную очередь из пулемета.

– Может, вернемся? – уже дежурно предложил Хорунженков.

– Еще два дня, – я покачал головой.

Сейчас мы шли на своих двоих, но благодаря возможности переложить все грузы в захваченные составы получалось выдавать раза в полтора больше стандартных 25 километров в день. От Вафангоу до Квантуна – полторы сотни верст, и две трети пути мы уже преодолели.

– Китайцы обязательно предупредят японцев. Не любят они нас, – вздохнул Хорунженков.

– Врангель следит, чтобы кабели связи перед нами всегда были перерезаны, наши люди контролируют все дороги. Если не попадетсЯ крупный японский отряд, то доносчикам-одиночкам не прорваться.

– Ох, как они этим возмущаются, – Хорунженков перестал хандрить. Все-таки в ближнем радиусе железной дороги тем же самым занимались его конно-пехотные роты.

Не очень удобно воевать, когда часть страны вокруг тебя якобы живет мирной жизнью. Якобы – потому что китайцы радостно добавили к своим обычным товарам еще и информацию. Нам рассказывали о японцах, японцам о нас, не видя в этом ничего дурного. Поэтому мы блокировали дороги, полностью перекрывая движение: и для одиночек, и для торговых караванов, и даже для правительственных чиновников. У солдат уже от зубов отскакивало вежливое «дуй бу ци». И жестами – назад-назад.

Вечером мы уже привычно собрались полным составом, обсуждая детали будущей операции.

– Вы были правы насчет мортир, – сегодня первым начал Афанасьев. – Без паровозов даже вагоны на пару тонн китайцы тянут слишком неторопливо. Первые захваченные составы отстали уже больше, чем на день и... Если бы мы взяли с собой больше одной батареи, то двигались бы раза в два медленнее.

– Скорее в три, – поправил артиллериста Мелехов. Именно ему досталась задача помимо своего батальона присматривать еще и за нашими бурлаками-кули. Учитывая, что мы обзавелись уже семнадцатью вагонами, и китайцев, чтобы их тягать, набралось под полторы тысячи. Непростая задача, но Мелехов справлялся. Без лишней мягкотелости и поблажек, но и без жестокости.

– Пока мы все еще опережаем новости о нашем наступлении, – теперь я сам решил взять слово. – Как вы знаете, если изначально мы не рассчитывали на подобную удачу, то теперь уже пора решать, а что мы будем делать, если и завтра продержимся в том же ритме.

– Может быть, просто попугаем японцев, как хотели, и назад? – Шереметев предложил быть поскромнее.

– Я согласен, – поддержал его Мелехов. – Вы бы видели, сколько всего мы перехватили. И ведь каждый вагон – это часть силы армии Оку. Как скоро он решит, что хватит играть в наступление и пора прикрывать свои тылы?

– Тут нам повезло, – ответил я. – Японцы очень ответственные люди, поэтому стараются дублировать снабжение каждой своей армии. Поэтому жесткой привязки к железной дороге у Оку нет, и это как его сила...

– ...так и слабость, – продолжил за меня Хорунженков. – Наши бы уже давно свернули наступление и пошли отбивать тылы. А японцы верят, что или нас сдержат тыловые гарнизоны, или сами в итоге уйдем.

– Точно, – кивнул я. – Зная нашу численность и уставы, Оку может справедливо считать, что припасов полка хватит на три дня. Значит, и рейд наш дольше продолжаться не может.

– С вами вернешься так быстро, – тут же буркнул Хорунженков.

– Не вернешься, – согласился я.

– Куроки сейчас идет на соединение с Оку, – напомнил Шереметев. – Не знаю, как он, а я бы после Ялу не удержался и выделил бы кого-то, чтобы нас зажать.

– Если бы узнал, – напомнил я.

– Мы задерживали только гонцов, идущих на юг, – возразил Врангель. – Перекрыть все китайские деревни, чтобы там и после нашего ухода никто не заговорил, мне бы людей не хватило.

– То есть на восток весть могла уйти, – я задумался. – Значит, в последний день не просто идем вперед, но и оставляем за спиной наблюдателей. Чтобы, если кто появится, нам по проводу или гелиографом смогли по цепочке передать сообщение.

– На 30-40 километров пути нам потребуется поставить почти взвод связистов, – посчитал Хорунженков. – На два направления – два, а у нас столько нет. Можно, конечно, рядовыми дополнить, но...

– Они нам пригодятся впереди, – решил я. – Прикрываем 15 километров на север и восток, на это расстояние наших должно хватить.

Так мы договорились о тылах, потом обсудили варианты наступления – тут все так же зависело от того, будут нас ждать или нет. А потом снова короткая ночь и долгий переход. Мы рассчитали так, чтобы добраться до перешейка Цзиньчжоу в утренние часы, когда поднимающийся с моря туман скрывает окрестности, а вот если, наоборот, посмотреть из темноты – что-то можно и разглядеть.

Так мы увидели квадратную коробку стандартного китайского городка в правой части перешейка. Центр и левую часть четырехкилометровой полосы суши, зажатой между Ляодунским заливом и Желтым морем, перекрывал добротный люнет, подготовленный еще полковником Третьяковым. Насыпь была высокой, мощной, неудивительно, что столько японцев полегло при ее штурме. В то же время люнет – это такое укрепление, когда в сторону врага смотрит несколько защищенных фасов, а вот сзади ничего нет. Именно из-за этого после обхода 5-й полк был вынужден сразу отступить. И теперь мы могли воспользоваться той же тактикой.

– Сколько? – спросил я, когда ко мне подошел Врангель.

– Пластуны заметили знаки двух различных рот, то есть не больше четырехсот человек. С другой стороны, это то, что мы заметили за час, и японцев может быть больше. Сильно больше. Будем пробовать?

Я задумался. С одной стороны, все логично: армия Ноги ушла дальше, Цзиньчжоу считается тылом, тут нет смысла держать слишком много солдат...

– Через несколько минут начнется отлив, я готов повести свою роту в обход по отмели, – выдохнул Хорунженков.

– Мы прикроем, – закивал Врангель.

– Можно, чтобы наверняка отвлечь внимание, показаться перед японцами основными силами, – дополнил план Мелехов. – В нужный момент, конечно.

– Полковник? – Шереметев просто посмотрел на меня.

– Давайте подождем и получше осмотримся, – я все-таки не смог перебороть ощущение надвигающейся ошибки. Я никак не мог осознать, что именно, но точно что-то ускользало из виду.

– Момент упустим! – Врангель не выдержал и повысил голос. – Да еще такой! Да если мы одним полком заждем японцев, если потом выстоим, а гарнизон Порт-Артура ударит им в тыл, да мы тут решим судьбу войны! Полковник, пожалуйста, вы же никогда не праздновали труса!

Последний удар был ниже пояса, но все остальные слова барона оказались очень правильными. Пусть и совсем не так, как тот думал... Ради чего мы будем рисковать? Чтобы понадеяться, что Стессель решит вывести войска из крепости и воспользуется возможностью прижать японцев к Цзиньчжоу? Да ни за что на свете такого не будет. А значит...

– Ждем, господа, – я обвел взглядом своих офицеров. – Ждем, следим за окрестностями, собираем информацию. Можете считать меня диктатором, но пока только так.

Я замолчал. Действительно, больше вслух сказать мне было нечего. Интуицию к делу не пришьешь. Как и то, что я не верил в безалаберных японцев, пожалевших сил на оборону столь важной позиции.

Петр Николаевич Врангель был в ярости.

Последние успехи, которые шли один за другим, словно превратили барона в хищного зверя. И, почуяв запах крови, он был готов рваться к врагу, не думая больше ни о чем. Наверно, если бы его командиром был кто угодно другой, Врангель бы уже не сдержался. Но Макаров... Этот слишком хорошо стрелял, не боялся осадить зарвавшихся коллег, а еще у него было чутье. То, из-за которого раньше во главе армии могли поставить даже мальчишку, и потом этот мальчишка мог залить кровью половину Европы.

Врангель лично отправился на одну из первых позиций к пластунам, чтобы попробовать найти, что же мог почувствовать полковник. В легкой рубашке было немного прохладно, но барон не обращал внимание на такие мелочи. Его взгляд скользил по укреплениям люнета, по хищным жалам пушек, прикрытых широкими плащами от утренней росы. Правее... Солнце поднялось чуть выше, частично разгоняя туман. Не только на берегу, но и в прибрежных водах.

– Вот же! – Врангель чуть не выругался вслух.

На прибрежной отмели, в четырех километрах от перешейка, стояли две японские канонерки. Хороши бы они были, решишь на обход прямо под их дулами. Тут ведь наверняка все пристреляно. Пойдет кто, их сразу подсветят с крепости, и тогда канонерки не то что роту с усилением, а целый полк положат на месте.

Продолжая ругаться, Врангель отполз назад, через сотню метров в низинке поднялся на ноги и бросился искать полковника. Тот должен был узнать, что оказался прав. А еще, что штурм Цзиньчжоу теперь точно не имеет смысла. Слева нет отмелей, справа – все под обстрелом. Хорошо, что они не попались в эту ловушку, но плохо, что весь этот рывок, весь поход, кажется, не имел смысла.

Врангель был уверен, что Макаров расстроится, когда он ему все выложит, но на лице полковника лишь появилась облегченная улыбка.

– И всего-то? – выдохнул он, а потом уже своим привычным голосом принялся раздавать быстрые резкие приказы. – Собирай наших, привести пленников... Петр Николаевич, а к вам отдельная просьба – срочно скачите в ближайшую деревню и добудьте мне лодки.

Врангель только усмехнулся. Он снова стал хищником, он снова ждал чужой крови... Но еще ему было очень интересно: что же задумал Макаров?

Глава 3

Повернулся к солнцу. Слепит... Не только меня, а каждого, кто в ближайшие часы будет смотреть на восток, и именно так родился этот план.

– Помните тех японцев, что мы взяли в плен по пути? – начал я объяснять детали. – Посадим их в лодки, под водой за днища будут держаться казаки. Дышать через трубочки от жгутов Эсмарха – справимся же! А там команды на канонерках немного, оружие в обычное время закрыто в арсеналах, так что возьмем корабли на abordаж.

– Не получится, – покачал головой Хорунженков.

Я хотел было возмутиться, что если так не делали, то это вовсе не значит, что подобное не сработает. Но капитан на пальцах объяснил мне детали. Во-первых, холодная вода – долго в такой не продержаться, и я ведь сам мог бы сообразить. Во-вторых, навык дышать через трубку... Тут уже Врангель добавил, что на такое без подготовки людей не отправить, запаникуют. И ведь тоже можно было догадаться. В-третьих, как сказал Шереметев, а готов ли я доверить жизни солдат бесчестью японцев? Ведь если кто-то из них, сначала согласившись предать, потом переменится и подкажет своим, то все наши погибнут. Ну и в-четвертых...

– Мундиры тех, кого мы взяли, – объяснял Мелехов, – вызовут не понимание, а вопросы. А что их часть делает рядом с городом? Почему не на своем месте? Понимаете?..

– Понимаю, – я сначала даже потерялся под таким напором, но современный мозг быстро перестроился и доработал план под новые условия. – А если так? Вместо японцев на лодки посадим китайцев. Они местные – раз, они постоянно пытаются что-нибудь продать – два, то есть их появление не вызовет вопросов.

– А вероятность того, что нам попадется китаец, готовый умереть за японцев, гораздо ниже, – задумался Хорунженков. – Но что насчет наших солдат?

– Убираем их из-под воды, – я сделал широкий жест. – Тут же глубокий тыл, боевых действий нет и не должно быть, поэтому китайцы осмелели и везут грузы на продажу. Их предприимчивость же никого не удивит, так? А раз у нас якобы полные лодки тюков и ящиков, то за ними всех и спрячем. Так и сложности с трубками не нужны, и в холодную воду лезть не придется, ну и... Те же китайцы, зная, что за ними следят взведенные винтовки, точно не станут делать глупости.

В общем, так и порешили. И теперь четырнадцать длинных джонок медленно ползли к канонеркам. Жаль, на подготовку потратили почти полтора часа, и еще пришлось сделать круг, чтобы нас заметили на выходе из тумана только в самый последний момент, но пока все шло по плану. Японцы сначала услышали, потом увидели гостей, засуетились, но... Пока не спешили принимать слишком резкие решения.

– В городе тоже началась суета, – прибежал гонец с выставленных впереди постов.

– Им же не видно пока лодки... – начал было я, но потом неожиданно осознал. – Искровые передатчики! Ну, конечно, они на связи друг с другом.

Как же хорошо, что меня остановили с первым совершенно непродуманным планом. А то хороши бы мы были: послали лодки с японцами, с кораблей бы спросили насчет них, и все... Даже без двойных предателей живыми те, кто вышел в море, уже бы не вернулись. А так пока все шло по плану, и ведь сработала-то сущая мелочь.

– Они радуются! Указывают на наши лодки и радуются! – Хорунженков лежал рядом со мной и удивлялся. – Все-таки идея поставить наверх захваченные ящики с сакэ оказалась на диво удачной.

Я не стал ничего отвечать. Тут ведь по большей части экспромт, хотя я и использовал кое-какие знания из будущего. Медицинские знания! Кажется, при чем тут медицина, а все просто... Япония с самых первых месяцев большой войны, мобилизовав десятки тысяч сол-

дат и прогнав их через огромные нагрузки и не самое лучшее питание, столкнулась с огромным количеством желудочных болезней. Но нашла решение, проверенное веками. Как английские моряки регулярно заливали микробов ромом, а русские солдаты – водкой, так и японцы решили выдавать своим императорские 50 граммов. О качестве того виски ходили легенды, насколько он был непривычно крепким, сивушным и отвратительным на вкус. Поэтому неудивительно, что нормальный домашний сакэ после этого ада столь заинтересовал японских моряков.

А тем временем наши джонки разделились на две группы – одна к ближайшей канонерке, вторая к дальней. По уставу японцам бы стоило это сразу пресечь, и если и торговать с китайцами, то только под прикрытием второго корабля. Но кое-кто слишком поверил, что на море у них больше нет врагов. Восемь джонок выстроились вдоль правого борта первой канонерки, шесть – точно так же вдоль второй. Наша позиция еще была слабой... Все-таки канонерка – это полноценный корабль: почти 50 метров в длину, 600 тонн водоизмещения, высокие стальные борта, на которые пока вскарабкаешься, тебя уже десяток раз успеют пристрелить.

Но мы были готовы. Вставшие слева от других джонки были забиты не столько солдатами, сколько взрывчаткой. И вот, подогнав их вплотную к японским бортам, саперы подожгли шнуры, а потом вместе с завопившими китайцами бросились в воду. Японцы даже успели что-то сообразить за мгновения до того, как все рвануло. Пробитые борта, паника, и пока все внимание было отвлечено в ту сторону, с остальных джонок бросились по бортам казацки десятки.

– Трубите наступление, пусть Шереметев и Мелехов покажутся на левом фланге, – я принялся отдавать приказы. – Ну а вы, Александр Александрович, – пришла очередь Хорунженкова, – жду от вас обхода по мелям.

– Слушаюсь, господин полковник, – Хорунженков отдал честь, а потом словно молодой папан бегом сорвался с места. Впрочем, он же еще не генерал, ему можно бегать.

Я проводил капитана взглядом, а потом поднялся повыше, чтобы теперь видеть весь перешеек. Битва на суше и на море разгоралась, и пока было совершенно непонятно, сможем ли мы продавить и выбить японцев со столь ценной позиции.

Отделение Мишека было включено в атаку на канонерки для подстраховки. Сначала молодой поляк не понимал, как снайперы могут помочь в этом деле, но в итоге полковник, как всегда, оказался прав. Первый рывок, когда лучшие из казаков воспользовались взрывом и захватили плацдарм на бортах канонерок, прошел без их участия, но вот потом... Именно снайперы Мишека, укрывшись на носу корабля, начали расстреливать японцев, стоило тем высунуть из укрытий хотя бы часть тела.

Мало! Удачных выстрелов было очень мало, но и их хватило, чтобы изменить саму суть боя. Если до этого именно казакам приходилось переть вперед, то теперь уже японцам не осталось ничего другого кроме как сунуться в атаку. Они попытались ударить массой, вооружившись голыми штыками без винтовок и под прикрытием всего пары выстрелов. Неудивительно, что зауряд-прапорщик Семенов ни капли не смутился и встретил их плотным огнем. 30 винтовок, по 5 выстрелов в каждой – учитывая, что на корабле было всего 100 человек команды, из них больше половины оказались заперты в трюме или пострадали при взрыве, для успеха требовалось попасть хотя бы по паре раз.

– Ура, братцы! – заорал кто-то из казаков, и русские голоса разлетелись во все стороны по Ляодунскому заливу. Над канонеркой «Акаги» еще висел японский флаг, но хозяин у нее теперь был совсем другой.

– Прикрываем наших на «Цукуси»! – в отличие от остальных задача Мишека еще была не закончена.

На второй канонерке дела пошли чуть хуже. И взрыв получился слабее, и казаки не успели захватить нормальный плацдарм, из-за чего снайперы Фрола могли стрелять только

вдоль одного борта. К счастью, теперь с поддержкой с фланга ситуация начала выправляться, а там и команда капитана Афанасьева добралась до морских орудий. Две легких 120-мм пушек, одна тяжелая на 210 миллиметров и два накрытых на треногах французских пулемета.

По спине Мишека невольно потекли ручьи пота, когда он осознал, что бы их ждало, если бы японцы оказались хоть чуть расторопнее. И ведь он даже не опознал вовремя столь грозное оружие, которое теперь, к счастью, работало на них. Артиллеристы Афанасьева тем временем заняли свои места и первым делом обработали «Цукуси», довершая разгром на море. После этого орудия развернулись уже в сторону берега и снаряд за снарядом начали обрабатывать позиции японцев на восточном краю Цзиньчжоу.

Сначала три, потом шесть пушек – кажется, какая мелочь, но тяжелые морские орудия посылали на берег такие снаряды, которые разносили любые возведенные японцами укрепления. Бомбардировка шла уже пять минут, когда на мелководье показались конно-пехотные части капитана Хорунженкова. Они быстро обходили Цзиньчжоу по отмели, и не было больше японских позиций, которые могли бы встретить их огнем с этой стороны.

– Господин младший урядник, – тихо позвал Мишека один из замерших за своей винтовкой снайперов. – А это все? Мы, получается, двумя полками город захватили?

– Если считать нас и Хорунженкова, то двумя ротами, – ответил Мишек и сам удивился тому, что сказал.

Невероятно, но именно так все и вышло. Столько всего невероятного он увидел на этой войне. Нет, сначала-то все было как обычно, как рассказывали еще дед и отец, но потом пришел полковник Макаров, и все изменилось. Отряд с точными винтовками выбивал офицеров и приносил победы роте против батальона, правильный план и четкие действия помогали даже больше: полк мог победить дивизию. И что дальше?..

У Мишека не было ответа, а грудь жгло полученное еще в Ляояне до начала похода письмо. Письмо, которое могло изменить не просто ход боя, а всю судьбу его родины. Переданный неприметным китайцем белый конверт был подписан таким известным любому поляку именем – Юзеф Пилсудский...

Я планировал, что японцы просто отступят из Цзиньчжоу, но Хорунженков сделал слишком глубокий обход. В итоге он перекрыл дорогу вглубь Квантуна, а потом вместе с подошедшими со своей стороны батальонами Шереметева и Мелехова они просто прижали японцев к простреливаемому канонерками берегу. Их оказалось больше, чем мы думали изначально, целых две тысячи, но мы все равно могли бы довести избиение до конца без особых потерь. Просто расстреляли бы издали, пока некому стало бы сопротивляться. Но... Для правильного боевого духа нужны не только слухи о громких победах, но и их вещественное доказательство – пленные.

В общем, я предложил, японцы согласились, и теперь к уже двум пленным ротам прибавилось еще восемь. Плюс остатки команд с кораблей и единственный выживший высокопоставленный офицер – капитан 2-го ранга Егочи Линоку. Я было попробовал с ним поговорить, но, как оказалось, он не знал ни русского, ни английского. Только японский и, неожиданно, французский. Впрочем, последнее на самом деле как раз понятно: все-таки японцы хоть и закончили копированием германской армии, но начинали-то именно с французов. Система организации и снабжения, форма...

А вот я французского, кроме разве что кровожадного «же не манж па сис жур» и игривого «ля пети гренау», не знал. Пришлось сосредоточиться на делах, тем более их все равно было очень много. Собрать информацию обо всех раненых, подготовить ночевку, отправить дозоры – и это самый минимум. Заодно по горячим следам я выяснил и составил списки отличившихся для последующих награждений, а потом, узнав, что в ближайшее время на нас никто не собирается нападать, попросил Врангеля выделить одну группу и пройти чуть дальше. Чтобы

не просто проверить настроения 3-й армии Ноги, а проскользнуть мимо и найти хоть один из поисковых отрядов Порт-Артура.

Я был уверен, что те просто не могут не попытаться узнать, что же за бой гремел в тылу у японцев, и мне было много чего сказать будущим защитникам города-крепости. Причем в идеале как можно быстрее, пока Ноги, сжимающий кольцо окружения вокруг Порт-Артура, не решит разобраться с крысами у себя в тылу. И учитывая, что в его распоряжении почти 50-тысячная армия, один на один у нас шансов просто нет. К счастью, японцы то ли не получили новости вовремя, то ли решили не торопиться, но пока нас не трогали. Я успел провести полную ревизию крепости с брошенной железнодорожной станцией и даже немного поспать. А уже утром в Цзиньчжоу вернулся Врангель, и не один.

Он выполнил задание: нашел путь сквозь пока еще не сплошные позиции японцев, обнаружил наших и привел ко мне. Причем привел не кого-нибудь, а одного из самых героических защитников Порт-Артура. С кем город держался почти полгода и пал через две недели после его смерти.

– Роман Исидорович, – поздоровался я с генерал-лейтенантом Кондратенко. – Скажу честно, не ожидал встретить человека в таком чине так далеко от своих позиций.

Кондратенко после такой речи удивленно расширил глаза. Ну, точно, мы же не знакомы, и стоило бы обращаться не по имени, а «ваше превосходительство», а тут я – словно к старому другу. Впрочем, к чести генерала, тот не стал устраивать из этого события.

– Мы тоже наслышаны о вас, Вячеслав Григорьевич, – Кондратенко улыбнулся и крепко пожал мне руку. – Раньше до нас уже доходили слухи о горячей встрече японцев на Ялу, а по пути барон Врангель рассказал мне и о том, что вы устроили за последнюю неделю. Скажу честно, это невероятно. Прорваться, взять Цзиньчжоу, однако... Я вынужден вас сразу предупредить: командующий Квантунским укрепленным районом Стессель не ударит вам навстречу.

– Даже если бы нас тут было больше? – не удержался я от иронии.

– Будь вас больше, Анатолий Михайлович, конечно бы, поддержал атаку Куропаткина, но сейчас... Я хотел лично оценить ваши силы, и после моего доклада он не станет рисковать.

Как много смыслов в такой небольшой фразе. Сам Кондратенко хотел бы рискнуть, но решения принимает не он, а честь офицера не позволит ему соврать об увиденном. Даже ради победы.

– Сколько у вас времени? – я решил уточнить для начала самый важный вопрос. – Чтобы японцы не перекрыли дороги, и вы точно смогли вернуться. Живым!

– Ноги предпочитает идти медленно, но наверняка, – уклончиво ответил Кондратенко. – Так что договорить мы успеем.

– Пусть так, – я поморщился, но просить такого человека быть осторожнее – это бессмысленно. – Предлагаю начать с ваших вопросов, вы ведь рискнули лично приехать сюда не просто так?

– Все же до последнего надеялся, что помощи будет больше, – честно признался Кондратенко. – Также хотелось посмотреть, что ценного тут есть на складах. А то хоть запасов в Порт-Артуре и много, но у нас добавилось мирных, да и дивизий стоит больше, чем по штату положено.

Он оборвал себя, не договорив. Но я и без его слов знал продолжение этой истории с продуктами.

– Я слышал еще про ваши проблемы со скотом, – добавил я вслух. – Стессель планировал выкупить их у китайцев, а они, узнав, что Куропаткин в Мукдене дает цену больше, просто перегнали все живые консервы с полуострова.

– Если главнокомандующий об этом знает, то что он планирует делать? С текущими запасами Порт-Артур не продержится год, на который можно было бы рассчитывать в другом случае.

– Насколько я слышал, даже несмотря на блокаду к вам до сих приходят суда со всеми необходимыми товарами.

– Прорыватели, – Кондратенко почему-то улыбнулся. – Это да, в последний раз какой-то безбашенный англичанин притащил на своей старой калоше не только муку, но и несколько ящиков шампанского. Повезло, что генерал Стессель понимает, насколько такие гости важны, и не стесняется платить двойную цену за груз и за сам корабль, который, очевидно, обратно уже никто не выпустит.

– А тот англичанин? – спросил я.

– Выехал из города уже как частное лицо, и японцы не посмели его остановить. Представляю, как они злятся на таких союзников.

– И что, часто попадаются прорыватели-иностранцы?

– Как бы мне ни хотелось сказать, что это наши храбрые капитаны подвозят в Порт-Артур припасы, но... Сейчас 8 из 10 прорывателей блокады идут к нам под английским или американским флагом.

– С другой стороны, – заметил я, – именно под такими флагами им проще всего потом выбираться из города. Кстати, а они не боятся, что японцы... Нет, не убьют их, но ограбят? Заберут все вырученные за подобную вылазку деньги?

– А капитаны не дураки, – гордо улыбнулся Кондратенко, словно сам продумывал эту схему. – Генерал Стессель платит им не золотом, а выписывает чек в английском банке. Причем не на предъявителя, а на конкретное имя, чтобы вообще никакого смысла не было его забирать. Жаль, этих денег не так много, так что скоро начнутся проблемы с выплатами, а вместе с этим иссякнет и поток кораблей.

– Ваш подход выглядит очень разумно, но что-то мне подсказывает, что и от наличных денег капитаны не откажутся. Особенно если вы поднимете расценки.

– Мне кажется, это не ваше дело... – осадил меня Кондратенко, но я даже не подумал обижаться.

– Поручик Зубцовский, прикажите, чтобы генералу показали сундук, – каюсь, не удержался от красивого жеста.

Но это была моя плата за то, что мы решили отдать взятую в Цзиньчжоу японскую кассу защитникам Порт-Артура. Все-таки полезно гулять по чужим тылам, кто бы что ни говорил!

– Это?.. – выдохнул Кондратенко.

– Это иены, – я улыбнулся. – Которыми вы теперь сможете расплачиваться со всеми иностранцами. Так город получит еще припасов, а заплатят за них в итоге наши враги.

Причем как самими деньгами, так и разогнанной инфляцией – даже не знаю, что в итоге будет полезнее для России.

– Не бойтесь просто так отдавать это первому встречному человеку? – наконец, нарушил повисшую паузу Кондратенко.

– У вас хорошая репутация, господин генерал, – я поднял указательный палец. – А еще... Мне же все равно их сдавать, так какая разница, в Порт-Артуре, раз уж я тут оказался, или в Ляояне.

Еще бы как-то отписаться про опять розданные солдатам три рубля. Я вздохнул, невольно представляя, какая битва с армейскими бюрократами будет ждать меня после возвращения.

Глава 4

Генерал-майор Кондратенко никак не ждал такого продолжения от самого обычного дня. Еще утром все было как обычно: работы по укреплению позиций, солдаты и нестроевые, в чьих сердцах надежда боролась с отчаянием, японские разъезды, которые прощупывали их позиции, прежде чем еще немного продвинуться вперед. А потом до них долетели звуки боя у Цзиньчжоу, и Кондратенко не удержался, сам ринувшись вперед.

И тут ему повезло дважды. Первое – японцы, заподозрив появление крупных русских сил, откатились с передовых позиций на основные, поближе к Дальнему. Второе – когда Кондратенко уже был готов повернуть назад, его отряд перехватили казаки полковника Макарова. Так генерал и познакомился с этим странным офицером. У него был только сводный полк, а он так далеко смог пробиться.

– Что думаешь? – спросил Кондратенко у следующего за ним подполковника Науменко.

Сейчас, когда штабс-капитан Кавицкий отъехал на позиции 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии за людьми для перевозки подготовленных для города грузов, у них появилось немного времени.

– Я бы так не смог, – честно признался Науменко. – Это же не только такой план придумать надо. Необходимо еще, чтобы солдаты за тобой пошли. Чтобы верили. У нас разве что вы, Роман Исидорович, таким авторитетом пользуетесь.

– А меня больше поразил их госпиталь, – тихо, почти про себя, сказал младший врач и хирург Миротворцев.

Пока большого потока раненых еще не было, бывший ординатор Обуховской больницы, а ныне один из докторов Красного Креста мог позволить себе поработать прямо на передовой.

– Что же? – с сомнением спросил Науменко. – Разве все госпитали в армии не работают по единой утвержденной схеме?

– Работают, – кивнул Миротворцев, – но есть нюансы. Все-таки в армии сейчас много гражданских врачей, у которых просто нет опыта работы с огнестрельными ранами. И это проблема не только России. Ни у одной страны мира не получится без войны заранее обеспечить всех хирургов необходимой практикой по огнестрелу, и какие-то вещи ты узнаешь только на месте, за операционным столом. Именно поэтому я заглянул в госпиталь. Все-таки полк Макарова много сражается, у них просто должен быть весьма обширный опыт, но... Даже я такого не ожидал.

– Так что же вы увидели? – теперь уже и Кондратенко стало интересно.

– Для начала структура, – принялся загибать пальцы Миротворцев. – Макаров вообще не держит врачей на батальонном уровне. Там только носильщики и фельдшеры, а доктора – все в общем госпитале...

– Подожди, – остановил Миротворцева Кондратенко. – Но как так? А если рана в роте – что же, солдату ждать, пока его дотащат до тыла?

– Кажется, это жестоко, но только кажется, – Миротворцев заулыбался. – Доктор Слащев, старший врач у Макарова, мне все объяснил. Ведь что делают с ранами сразу после получения? Максимум остановят кровь, наложат повязку – а нужен ли для этого доктор? Опытный фельдшер справится и сам. Дальше, если брать уровень батальонов – там уже можно было бы проводить операции, но... Один старший доктор, один младший: когда батальон активно сражается, им просто не хватает рук, а когда маневрирует, то они большую часть дня ничего не делают. Понимаете?

– То есть, собрав докторов в единый госпиталь, почти как получилось у нас в крепости, Макаров гарантирует им постоянную нагрузку. И весь поток раненых получит максимально возможную помощь.

– И это еще не все! – восторженно продолжил Миротворцев. – Когда врачей собирается так много, то можно разделить потоки. Одной группе докторов идут все легкораненые, другой раны в живот, третьей – поврежденные сосуды, четвертой – грудь, пятой – голова. В итоге больше практики и...

– Подождите, Сергей Романович, – остановил доктора Кондратенко. – Что вы говорите? Ведь даже я знаю, что раны в грудь и голову сейчас не лечатся. По крайней мере, если это что-то большее, чем царапина.

– И полковник Макаров старается это изменить! Врачи набираются опыта, и пусть пока не все получается, но уже скоро у нас могут появиться первые в мире специалисты в новых направлениях.

– Но резать ради этого своих же солдат?! – повысил голос Кондратенко.

– Не своих же, – Миротворцев отвел взгляд в сторону. – После Цзиньчжоу у полковника почти не было своих раненых, поэтому его врачи сейчас занимаются японцами. Обычным ранам – обычное лечение. Способ штопки сосудов уже отработан, так что про него даже не спрашивают. А вот всем сложным предлагают выбор. Тех, кто согласен, пытаются спасти. Те, кто нет, остаются на волю господ.

– А ведь в Порт-Артуре среди китайцев ходили слухи, что еще после прошлой войны японцы точно так же на чужих раненых учились оперировать, – задумался вслух Науменко. – Только никого не спрашивали. Да и сейчас... Кажется, у них есть целое отделение, которое занимается операциями на черепе.

– И это еще не все! – Миротворцев обрадовался, что его энтузиазм поддержали. – У доктора Слащева есть много информации по глупым ошибкам, которые совершают гражданские врачи. Например, первичный шов...

– Первичный шов? Это когда раны ушивают еще на перевязочном пункте? – уточнил Кондратенко, который предпочитал разбираться даже в таких мелочах.

– Точно! Я был уверен, что без них никак, но доктор Слащев рассказал, что закрытые раны почти гарантированно ведут к гангренам. А еще... – тут Миротворцева передернуло. – Некоторые молодые врачи хотят помочь, хотят сделать хоть что-то, и в итоге делают только хуже. Представьте рану в грудь – сквозную, почти чистую. И что делает молодой врач, решив хоть как-то помочь такому солдату? Он кладет первичный шов единым стежком сразу сквозь плевру легких, мышцы и кожу. При этом сплошным шов получается только снаружи, а внутри ходит воздух, все бурлит, надувается...

– Ужасно! – Кондратенко поморщился. – И что будет потом с таким раненым?

– Старый шов снимут, потом ушьют все послойно. Не сложно, если знать про ошибку и вовремя исправить... Но самый ужас все же не в таких громких случаях, а в тихих, аккуратных на первый взгляд швах. Помог такой спаситель, отправил пациента дальше, а гангрена и воспаление появятся еще только через несколько дней. В итоге врач и дальше продолжит шить всех, кто попадет ему в руки, а в тылу будет расти гора трупов! И ведь даже если такому что расскажешь, поверит ли он? Или усмехнется и продолжит делать по-старому? Вам ли не знать, как порой некоторые чины упираются в следование старым традициям и ритуалам, и плевать, что от этого только вред один, а не польза!

– А как же вы так сразу во все это поверили? – неожиданно хмыкнул Науменко. – Или при вас кого-то специально неправильно порезали?

– Нет, на такое доктор Слащев и полковник Макаров никогда бы не пошли. Но мне показали правильно вылеченных по новым способам больных, а еще передали вот это...

И Миротворцев вытащил из наплечной сумки похожий на девичий альбом буклет. Несколько сотен листов с рисунками и описаниями операций, а также фотокарточки с печальными результатами того, к чему приводит следование неправильным традициям.

– Доктор Слащев готовил два экземпляра: один для печати, а второй... для нас. И я рассчитываю, что если покажу это Рудольфу Рудольфовичу, то хотя бы у нас на корабле мы сразу начнем работать по-новому. А когда появятся первые результаты, можно будет и к Обезьянину с Гюбенетом подойти!

– Подождите, – остановил молодого доктора Кондратенко. – Вы сказали, что все это было подготовлено для нас? То есть полковник Макаров еще в Ляояне был уверен, что сможет сюда пробиться и взять Цзиньчжоу?

– А еще он был уверен, что ему придется отступить, но... Это не помешало ему готовить все то, что нам так понадобится. Вы же знали, Роман Исидорович, что у нас не так много лекарств, как хотелось бы? Так полковник с самого начала этого рейда собирал для Порт-Артура из японских обозов всю возможную медицину. И несколько тонн лекарств – это тысячи раненых, которых мы сможем поставить на ноги. Или продукты... Если просто пустить их в котел, то этого будет на один зубок, но для нас отобрали продукты, которые помогут сдержать возможное начало цинги, и это уже совсем другая история.

Когда Миротворцев закончил, то его взгляд блестел, а лоб покрывали капли пота. Кондратенко кивнул своему спутнику, предлагая взять себя в руки, а сам задумался... Ведь не только для доктора были подготовлены подарки. Например, уже ему полковник передал добытые во время допроса пленных японцев планы атаки Порт-Артура. Первый штурм – по старой китайской дороге, ровно в стык между новыми бастионами. И одна из главных целей, если штурм не удастся – гора Высокая, чтобы с нее наводить новые тяжелые орудия.

Если до рассказа Миротворцева Кондратенко еще сомневался, то теперь он точно решил выделить дополнительные силы на указанные полковником направления. Казавшиеся не такими важными изначально, в случае если все предсказания Макарова сбудутся, именно они и могут стать причиной падения Порт-Артура. Кондратенко мысленно вздрогнул, когда вспомнил предсказание про появление у японцев к концу сентября 11-дюймовых гаубиц. И это при том, что форты Порт-Артура были рассчитаны, чтобы выдерживать 6-дюймовые снаряды, максимум 8-дюймовые, но никак не подобных монстров. Такие можно будет остановить разве что своими пушками: благо если начать готовиться заранее, то можно будет снять с кораблей и русский крупный калибр.

Сколько займет его транспортировка, возможно ли это вообще... Кондратенко не сомневался, он знал, что они справятся. Просто не могут не справиться! И пусть придется попотеть не дни или недели, а месяцы, но большие пушки окажутся в нужных местах, и когда японцы решат, что им улыбнулась удача, то на самом деле их будет ждать только очень большой и тяжелый сюрприз.

Под вечер последние отряды 7-й Восточно-Стрелковой дивизии покинули Цзиньчжоу, утаскивая собранные для них запасы на самых обычных телегах. Я вообще предлагал Кондратенко воспользоваться отходом японцев и прорваться по железной дороге, благо на станции нашелся целый паровоз. Но генерал предпочел не рисковать: оценил, насколько важные для города грузы мы смогли собрать. Теперь бы еще и с пушками у него все получилось. А то, как показал пример Осовца в начале Первой Мировой, даже пара дальнобойных орудий Кане, придержанные до нужного момента, могут разобрать хоть Большую Бертю¹.

– Господин генерал, новости от велосипедистов, – в мою дверь забарабанил поручик Зубцовский. Не очень прилично, но я сам приказал, что с такими донесениями можно наплевать на любое вежество.

¹ Большая 420-мм мортира, которую во время Первой Мировой использовали для взятия хорошо укрепленных крепостей. Всего их было сделано 9 штук, 2 привезли под Осовец, где наши как раз с помощью морских 152-мм пушек одну из них повредили, а вторую... Немцы после такого поспешили отвезти в тыл.

– Какой отряд? – выдохнул я, открывая дверь.

– Восточный. Передают, что заметили солдат из 12-й дивизии Иноуэ!

Значит, новости о нас все-таки дошли до Куроки, и тот не сдержался. Наша позиция из нервирующей для армии Оку начала быстро превращаться в ловушку, но как же хорошо, что мы догадались предусмотреть такую возможность.

Тем не менее, запас по времени был не таким уж большим, а уж учитывая, что японцы могли продолжить движение и ночью, его по факту и вовсе не было. Выбирая между «да не будут они спешить» и «если будут, то нам конец», я решил, что недооценивать врага совершенно не стоит. Промежуточный вариант – выждать и узнать с помощью дозоров, остановится Иноуэ или нет – был и того хуже. Пока ждешь, все перенервничают и, даже если японцы задержатся, потом никто не сможет уснуть. Только время зря потратим!

В общем, я еще раз прокрутил варианты, убедился, что ничего не упустил, и скомандовал ночной отход. Свою задачу мы выполнили, теперь нужно было вернуться – благо для этого у нас было все необходимое. Первое – это малые морские пушки. Вернее, малыми они были только для посаженных на мели канонерок, с которых их снял хозяйственный Афанасьев. Для армии же морские 120 миллиметров – это почти в полтора раза больше, чем стандартная полевая пушка.

Второе же – это паровоз, от которого отказался Кондратенко. В неспешной перевозке железнодорожных вагонов тысячами китайцев был, конечно, свой шарм, но нормальный паровоз – это гораздо лучше. Он и наши малые пушки утащит, и даже большие бы вывез, но... Уж слишком они тяжелые были, чтобы без техники и кораблей на ходу да за столь ограниченное время можно было что-то сообразить. Погрузка составов пушками, снарядами, едой и одеждой – мы вывозили каждую мелочь, до которой дотягивались руки – заняла всю ночь. К 5:30 утра мы загрузили дай бог половину того, что хотелось бы, но пришло время выступать.

Я отдал приказ, и вслед за вышедшими еще час назад казаками потянулись пехотные части. Последним с аналоговой пехотной ротой Хорунженкова в прикрытии тащился наш паровоз. Чем-то он напомнил мне бывший японский корабль, который нам пришлось месяц назад бросить в устье Ялу. Тот нам тоже очень помог, и его тоже никак нельзя было прибрать к своим рукам насовсем. И так же, как знак уважения, я приказал нарисовать на черном боку паровоза его новое имя. Пароход я назвал «Цы Си» в честь нынешней императрицы Китая, а вот поезду я, подумав, подарил имя главного японского бунтовщика.

«Сайго Такамори» стучал колесами, тяжело дымил, но сильно не разгонялся. Последний наш подарок, который мы оставляли для возможных преследователей. Примерно каждый километр на рельсы за паровозом прыгивали один из артиллеристов Афанасьева и парочка солдат. Солдаты быстро копали яму под рельсом, артиллерист устанавливал туда японский фугас с шимозой и, когда паровоз удалялся, подрывал. Выходило неплохо: довольно мощные морские снаряды гнули рельсы, раскидывали шпалы, и я мысленно докидывал пару часов к тому, сколько нашим врагам потребуется времени, чтобы восстановить эту линию снабжения.

– Вам за такую вылазку точно генерала дадут, – поручик Зубцовский засверкал глазами, следя за оседающими облаками после очередного взрыва.

– Или выговор... – сухо заметил Хорунженков. Чем ближе мы были к Ляояну, тем более желчным становился старый капитан.

– За что выговор? – возмутился поручик.

– За порчу казенного имущества! Дорога денег стоит, а мы ее... крушим.

– Так там же японцы!

– А разве мы не собираемся эти земли вернуть? Россия признала потери территории? Нет, значит, и имущество наше.

– Крючкотворство!

– Реальность.

Я краем уха слушал это спор и тоже думал о том, что же будет меня ждать после возвращения. Очень бы хотелось действительно получить повышение, расширить мой и 11-й полки до нормальной бригады, а лучше дивизии... Но в чем-то Хорунженков прав, от начальства можно ждать какой угодно подставы. Даже тот же Алексеев, который вроде бы на моей стороне, но с учетом того, что блокада Порт-Артура не пробита, и он может отвернуться. Тупик... Или же есть варианты?

Я подумал, а можно ли посмотреть на будущее возвращение как на часть военной операции? И что тогда можно сделать, чтобы повысить свои шансы на успех?

– Какие новости от 2-го Сибирского? Он сможет удержать Вафангоу? – Куропаткин ждал доклада от Якова Григорьевича Жилинского.

Обладатель весьма скромной на вид должности – начальник полевого штаба на Дальнем Востоке – на самом деле этот человек отвечал за разведку на этой войне. Формально человек заместителя Алексеева, в реальности Жилинский сразу сообразил, на чьей стороне сила, и начал усиленно служить бывшему военному министру.

– У Одишелидзе изначально было не так много шансов, – начал доклад Яков Григорьевич, говоря привычно тихо, так что длинные седые усы почти не шевелились. – Тридцать тысяч против почти сорока у Оку. Если бы 2-й Сибирский успел подготовить оборонительные позиции, что-то могло и измениться. Но по приказу Алексеева мы пошли в атаку, и это привело к тому, к чему и должно было привести. Потери, отход, а теперь с приближением 1-й армии Куроки, можно сказать, и бегство. Если бы не удачный маневр генерала Мищенко в самом начале, когда мы заставили японцев потерять время и выжгли все их тылы, пресса уже бы смаковала наше громкое поражение. А так...

– Говорите, так? – Куропаткин добавил к голос немного гнева. Ненастоящего, на посту министра он уже давно научился держать себя в руках, тем более из-за таких мелочей, но ведь другие-то этого не знают. – А что вы тогда скажете об этом?

Генерал подвинул в сторону Жилинского стопку газет. Копия китайской «Шэньбао», русские «Ведомости», английская «Таймс» и американская «Ворлд». В каждой из них жирным химическим карандашом были обведены такие похожие по заголовку и содержанию статьи. «Русский 22-й полк берет Цзиньчжоу», «Русские пробивают блокаду Порт-Артура и отходят», «Русская мышь в японском тылу», «Рейд по тылам и взорванные железные дороги»...

– Что это? – скулы Жилинского заиграли, до него еще не дошла ни одна из этих новостей. – Это правда? Откуда?..

– Я заранее попросил молодого князя Огинского проверить. Незвестный китайский чиновник продал эту новость как японским, так и нашим, а заодно даже западным газетам. Местные журналисты уверяют, что получили сообщение телеграфом с самого юга Маньчжурии, что послужило для них определенным доказательством достоверности.

– Один полк против армии? Разве такое возможно? Вам не кажется, что журналисты просто ухватились за жареную историю, мечтая о грязных лаврах Пулитцера и ему подобных?

– Все возможно, точно мы узнаем только после возвращения полковника Макарова. Дальние дозоры доносят, что видели его поезд недалеко от Вафангоу.

– Но там же, между ним и нами, теперь японцы! – Жилинский задумался о том, что вся эта ситуация на самом деле могла быть вражеской провокацией. Создать героя, а потом прихлопнуть его – разве не красиво? – Может быть, послать подмогу 2-му Сибирскому?

Куропаткин лишь покачал головой.

Все его мысли были сейчас о другом: просьба, высказанная важными друзьями и союзниками в столице, не должна сорваться из-за такой глупости, как самодеятельность одного-единственного полковника. Вот только... Если тот вернется, если тот вернется с такой (!) прессой, то с ним ведь и не получится ничего сделать. А надо... Более-менее успешное начало войны

воодушевило слишком многих, и теперь в любое время стоило ждать самых высоких гостей из Санкт-Петербурга и Москвы. Гостей, с которыми придется считаться.

Глава 5

Ругаюсь.

Пока ехали назад, я начал для себя подбивать итоги операции, и в свете строгих цифр успех рейда уже не казался таким однозначным. В минус пошли... Декавилька, которую мы прокладывали от Вафангоу до Мяогоу – мортиры-то мы по ней отправили назад, а вот ее саму разобрать было уже некому. Ну, не мог я тогда оставить на это людей! Дальше холодильный вагон. Сколько он стоил, сколько я его выпрашивал – а пользы вышло чуть. И в атаку с собой не взяли, и даже, пока он был рядом, использовать заготовленную и перевезенную в нем кровь ну никак не получалось. Даже после всего лишь суток хранения она густела, и дальше можно было работать разве что ложкой, а не шприцом.

Похоже, без антикоагулянтов вся эта история не имела никакого смысла! Или... Я резко замер – в моей-то истории переливания начинали без них. Варфарин, гепарин – это, конечно, хорошо, но если не гнать галопом, то почему бы не использовать цитрат натрия? Он же – натриевая соль лимонной кислоты. Именно этой штукой во время Второй Мировой получалось поддерживать кровь в жидком виде несколько дней, и даже сильно позже, в мое время, его использовали для хранения анализов крови. Осталось только этот цитрат получить, но, думаю, Корф должен справиться. Наш аптекарь любит всякие такие штуки, а нейтрализация кислоты конкретным веществом – это уже не самый сложный процесс.

Настроение сразу прыгнуло на пару делений вверх. Все-таки холодильный вагон еще принесет пользу. И мысли с медицины перескочили на другие мои изобретения. Прицелы... Несмотря на то, что я, помня о хрупкости половинок биноклей, изготовил их с запасом, они закончились. И ведь стреляли, если сложить, всего два полных дня, а все равно! Вернемся, пока будет время до следующего сражения, придется, кровь из носу, искать мастеров и делать что-то нормальное. И к черту секретность! Без нормальной базы в виде людей, которые умеют ими пользоваться и учитывать при планировании операций, пользы для возможных похитителей все равно будет немного. В ближайшие годы так точно!

Теперь тачанки. Изначальная конструкция – пулемет на телеге – уже стала устаревать. А почему? Потому что все мои прошлые придумки не решали главной проблемы: чтобы в таком виде солдат за Максимом мог стрелять, телега должна остановиться. Иначе – хоть по кочкам, хоть даже по относительно ровным китайским дорогам – ствол так прыгает, что попасть даже по целой колонне врага можно разве что чудом. Значит, нужны брички, ну или доработка телег под рессоры. Вот только рессоры сейчас все идут на эвакуационные линейки. И как их оттуда выгащить? Разве что доводить до ума систему санитарных поездов и дорог под них.

Надеюсь, у меня будет на это время и возможности!.. Я вспомнил, как по пути заехал к одному из крупных чиновников южной части провинции Ляоян с небольшой просьбой, и Гуй Бин отнесся к ней с полным пониманием. Небольшая взятка из отложенных на этот случай японских денег еще больше укрепила нашу дружбу, и он разослал оговоренный пакет новостей всем заинтересованным сторонам. Кажется, этот человек был готов пойти мне навстречу и бесплатно, рассчитывая получить свою долю именно за информацию, но мне не хотелось оставлять долгов.

Теперь бы еще понять, насколько велики возможности местных журналистов. Хватит ли их, чтобы правильная пресса прикрыла мне тыл?..

– Петр Николаевич, – я заметил подъезжающего ко мне со спины барона. – Какие новости?

– Новости все те же, – немного с обидой ответил Врангель. – Не знаю, как так выходит, но к вам, Вячеслав Григорьевич, не подобраться!

Это у казака в последнее время появилась новая забава. Прямо дело чести – доказать обычному армейскому полковнику, кто лучше всех в армии в плане скрытности. А я бы и рад поддаться, чтобы барон успокоился, но куда там. Те же рефлексy, что помогали наводить снайперскую винтовку на врага, чувствуя точку и мгновение, когда и как нажать на спуск – они же прямо-таки кричали, когда кто-то пытался двигаться вне поля моего зрения.

– А если по делу?

– Если по делу, то от нас японский разъезд ушел, – еще больше расстроился Врангель. – Выскочили из распадка, увидели и вместо нормальной драки сразу развернулись, и драпать. Вот о чем их командиры думают, что позволяют такое поведение?

– Не знаю, но я бы на месте их начальства за такое премию выписал, – улыбнулся я. – Они ведь свою главную задачу выполнили: узнали о нашем приближении, и теперь Оку будет готов.

– Черти... – выругался Врангель.

– Вы, кстати, тоже свою задачу выполнили, – так же спокойной продолжил я. – Петр Николаевич, вы же не думали, что я буду ждать от вас совсем уж невероятных подвигов? Вроде вырезать дозоры целой армии?

– Кхм, – Врангель закашлялся и, кажется, он на самом деле не собирался размениваться на что-то меньшее. – А ведь и правда, после того как блокировали китайцев, что-то я слишком размахнулся. Подождите... Что значит мы тоже выполнили задачу?

– Узнали о близких силах врага – раз, – я начал загибать пальцы. – Не дали ему проваться дальше и узнать точно, сколько уже у нас тут сил – два. Теперь благодаря этому мы сможем оттянуть внимание японцев к железной дороге, а сами уйти чуть в сторону.

– Но наши запасы? – Врангель с обидой бросил взгляд на ползущий вслед за армией поезд. – Там же столько всего!

Неожиданно барон оборвал сам себя на полуслове и хитро улыбнулся.

– Поняли? – спросил я.

– Ну, конечно, мы ведь уже почти рядом с Мяогоу, а там и остатки нашей же полевой железной дороги. Там ведь если что и успели утащить, то та ветка, вдоль которой мы наступали, точно осталась! И китайцев-кули вы, значит, вот зачем все это время за нами тащили!

Тем временем к нам подтянулись остальные офицеры, и мы начали готовить план завтрашней операции. Заранее-то не было смысла – разве у Цзиньчжоу мы могли догадаться, что японцы так продвинутся и подтянут тылу уже почти вплотную к Вафангоу? Впрочем, пока удача была на нашей стороне. Пока...

Отряд генерала Иноуэ вышел к позициям армии Оку на неделю позже запланированного, и это несмотря на то, что им пришлось бросить свои обозы, чтобы не отстать еще больше.

– Какие новости? – Хикару Иноуэ требовательно посмотрел на полковника Хагино.

Генерал Куроки выделил начальника разведки, чтобы тот помог 12-й дивизии лучше разобраться в маневрах хитрого русского лиса, но пока у того получалось не очень. С другой стороны, а мог ли Хагино что-то сделать с подрывами железной дороги? Особенно подлыми тем, что рельсы и шпалы крушили с помощью их же, японских, снарядов.

– Мы встретили дозоры армии Оку, – начал тот.

– 2-я армия? Но где Макаров?

– Они шли вдоль железной дороги. Вагоны, с обеих сторон полотна пехота – все на сотни метров в каждую сторону затоптано, поэтому не потеряешь.

– Не нужно рассказывать мне очевидное.

– Мы их потеряли, – Хагино нахмурил брови. – В десяти километрах от Вафангоу, не доходя до позиций Оку, Макаров свернул направо.

– И при чем тут тогда «потеряли»? Просто продолжаем преследование, тем более что, бросив поезд с пушками и припасами, они существенно себя ослабили.

– Мы потеряли поезд, – кашлянул Хагино. – Поворот сводного полка с его обозом мы не могли пропустить, но вот поезда не было. Как не было и следов его уничтожения.

– Куда может исчезнуть целый поезд?! – рявкнул Иноуэ.

– Я отправил людей назад по путям, возможно, там было что-то, на что мы не догадались обратить внимание...

Хагино не договорил. Именно в этот момент рядом с ними появился один из офицеров особой роты с привычно каменным лицом, но его напряженная поза прямо-таки кричала о том, что новости есть.

– Говори, – приказал Хагино, увидев разрешающий жест генерала.

– Тайсё, – вытянулся офицер. – Мы нашли следы. В двух километрах отсюда, за полосой, по которой шла пехота, были обнаружены следы повозок и отпечатки переносной железной дороги Декавиля.

– Это же их старые позиции, – Иноуэ вытащил карты, переданные ему генералом Куроки. – Именно тут Макаров встретил Оку почти две недели назад, дал бой и здесь же он прокладывал ветку полевой дороги. Выходит... Они нашли ее кусок, притащили сюда и по ней увели поезд в сторону? Как это возможно? Там же если что и осталось, то не больше пары сотен метров полотна! А еще разная ширина колесной базы.

– В принципе... – задумался Хагино. – Если ехать эти пару сотен метров, потом разбирать за собой и собирать впереди – все возможно. А русские не зря продолжали таскать с собой захваченных китайцев-кули. Те хоть две линии проложат, по одной под каждое колесо.

– Если верить донесению от Ноги, то под Цзиньчжоу Макаров захватил еще и под 10 рот наших солдат. Их ведь тоже можно использовать, – задумался Иноуэ.

Картина выстраивалась фантастическая, но от этого не менее реальная. Небольшая армия, и в два раза больше нестроевых чинов, которые прокладывают ей дорогу со всей возможной скоростью. Использовать что-то подобное для армейских операций было бы непозволительно дорого, но вот если, как Макаров, набрать рабочие руки в чужом тылу, то все возможно.

– Продолжим преследование? – нарушил повисшую паузу Хагино.

– Нет... – принял решение Иноуэ. Иногда нужно признать поражение и прекратить гоняться за ветром. – Все-таки мы сражаемся не против полковника, а против всей русской армии. Так что, пока о нашем появлении не известно основным частям 2-го Сибирского корпуса, устроим им обход. Мы же тоже захватили несколько километров полевой дороги? Вот и повторим прием Макарова, загоним побольше пушек прямо в тыл к его друзьям!

Мы прорвались! Почти четыре тысячи китайцев и пленных японцев работали на износ, перетаскивая на своих спинах секции железной дороги Тахтарева и укладывая их в две линии, чтобы по ним смогли пройти даже вагоны с нормальной колеей. Чтобы такие пути не расходились, приходилось тащиться со скоростью черепахи, но... Учитывая, что мы перешли на ручную тягу, у нас и не было возможности двигаться быстрее.

Сначала я думал с помощью этого маневра зайти в тыл армии Оку и силой пробить дорогу к своим, но... Риски были слишком высоки, а у меня совсем не было информации о текущем положении на фронте, и в итоге мы просто сделали крюк побольше. Пленные с китайцами выложились на полную: таскали секции тахтаревки, работали бурлаками для вагонов и паровоза. Мы потеряли на этом маневре почти два дня, но сохранили всю технику с грузами и в итоге вышли к уже нормальной железной дороге за зоной контроля японских патрулей.

После этого оставалось только снова встать на рельсы и попытаться понять, где сейчас находится штаб 2-го Сибирского, чтобы прибыть туда с докладом. Конечно, в моей истории после битвы у Вафангоу наши довольно быстро откатились назад, но здесь-то все было по-

другому. После потерь первых дней, после перерезанных линий сообщений, после паники в тылах, которая не могла не подняться, я был уверен, что даже Одишелидзе должен удержаться.

Мы только успели построиться и привести себя в порядок, когда дозоры заметили и доложили о приближении неизвестного полка. Впрочем, тайна быстро развеялась, приближающиеся солдаты пели:

Грянем песню веселее, вспомним подвиги отцов.

В целом мире нет храбрее нас, тобольцев-удальцов...

– Значит, 38-й Тобольский, – сразу же сориентировался Хорунженков. – У них командиром полковник Буссов Константин Иванович. Хороший служака, помню его еще по Турецкому походу.

– Усиление? – я задумался. – Значит, у наших все хорошо, раз Куропаткин решил добавить корпусу ударной силы?

– Или, наоборот, все плохо, – Хорунженков был настроен не так оптимистично.

Впрочем, как оказалось, прав оказался все же я. Полковник Буссов нашел нас и с ходу рассказал все новости, переданные с передовой по телеграфной линии. Как оказалось, вчера 2-й Сибирский отбил все атаки японцев, и сегодня Одишелидзе планировал развить успех.

– А вместе с вами у нас точно все получится, – Буссов был полон энтузиазма и то и дело бросал взгляды на закрепленные на платформах 120-миллиметровые морские орудия.

Да, такая мощь в полевой битве может много пользы принести, вот только вряд ли враг покажется так близко к железной дороге. Да и в целом после похода к Цзиньчжоу я планировал дать своим отдых... Увы, желания и реальность могут сильно различаться. Я внезапно вспомнил, где именно слышал о тобольцах на Русско-японской... Битва при Вафангоу – вот эта самая битва! Сибирцы собираются в атаку, но японцы обходят с фланга, угрожая окружением, и именно в этот момент, помогая сдержать их финальный рывок, и появился 38-й Тобольский.

А вдруг и здесь наши пропустят глубокий обход?

– 2-й корпус сейчас усилен Уссурийской бригадой Самсонова, так что я могу выделить своих кавалеристов, чтобы помочь вашим сопроводить пленных к Ляояну, – предложил тем временем Буссов.

Очень разумное решение, но что, если мои подозрения окажутся верны? Что будет опаснее: возможный японский бунт в тылу или нехватка рабочих рук для быстрой подготовки укреплений?

– Это лишнее, – решил я и принялся отдавать приказы своим подошедшим офицерам.

Мы выдвигались вперед вместе с Тобольским полком, вот только если Буссов шел за победой, то своих я сразу начал настраивать на то, что нам придется прикрывать отступление. И иногда так хочется ошибиться, но уже скоро долетевший до нас грохот пушек и столбы дыма, стоящие именно там, где должны были находиться позиции 2-го Сибирского, не оставляли сомнений.

– Подполковник Шереметев! – рявкнул я. – На вас пленные с китайцами и подготовка второй линии укреплений! Не забудьте сделать насыпь, чтобы скрыть дорогу для санитарного эшелона!

– Есть!

– Подполковник Мелехов, на вас будет первая линия! И берите себе в усиление все части 11-го полка!

– Есть!

– Капитан Хорунженков, а от вас я жду вторую ветку железной дороги! Капитан Афанасьев подскажет дистанцию, но любой ценой через полчаса мы должны иметь возможность двигать пушки вдоль линии фронта!

– Есть!

– Барон... – следующим был Врангель. – Где-то на правом фланге должна работать кавалерийская бригада Самсонова. Вам нужно найти генерала и подсказать, когда ему нужно будет ударить. Сигнал вы знаете!

– Есть! И... – Врангель в отличие от остальных позволил себе кривую усмешку. – Я понял, надо все сделать, как и другим. Любой ценой!

Не дождавшись ответа – как будто кому-то он был нужен – он резко крикнул, созывая своих, и две казачьи сотни тонкой змеей начали удаляться вправо.

Павел Анастасович Мелехов никогда не боялся крови, ни чужой, ни своей. Правда, раньше вступать в уже идущее сражение ему не очень нравилось – тяжело это, по собственной воле бросаться в огненный ад, который ты видишь во всех деталях. Но сейчас все было по-другому: после тренировок с полковником Макаровым Мелехов осознал, что именно в такие моменты ты лучше всего понимаешь, где сильны твои союзники и где слаб враг. А значит, куда и когда бить!

– Господин подполковник, что же это творится? – идущий рядом с Мелеховым капитан Сомов удивленно присвистнул. – Неужели японцы совсем наших окружили?

– Судя по знаменам, – поставленный на бинокль поручик Зиновьев принялся докладывать, – справа нас зажала 4-я дивизия Оку, а сзади зашла 12-я Иноуэ. Еще и артиллерия у японцев работает сразу и с тыла, и с фланга.

– Обошли, значит, – сразу все понял Мелехов. – Причем дважды обошли! И о чем только Одишелидзе думал, что ничего не заметил²?

Ответа на этот вопрос не нашлось, да и не до того уже было. Выйдя на дистанцию в 2 километра, Мелехов начал окапываться. В отличие от продолжившего свой путь вперед Тобольского полка, он собирался сначала дожидаться готовности артиллерии.

– Они совсем безумцы? – невежливо выругался Сомов, но кто же в бою следит за языком.

– Макаров предлагал им действовать вместе, но Буссов заявил, что у него приказ, и он его выполнит.

– Умрет же просто.

– Его-то и не жалко, – Мелехов, грубовато, но прямо, говорил то, что думал. – До седых усов дожил, а ума... Ладно, ради дела, но и столько солдат просто так поляжет!

Трубы тобольцев еще продолжали играть «В целом мире нет храбрее...».

Встретивший их огонь был страшен. Мелехов на мгновение задумался: изменилось бы что-то, если бы он ударил рядом? И нет, просто бы сдох рядом и все! Или же... В ответ на удар тобольцев начали свой прорыв и части 2-го Сибирского. До этого, словно лишившись воли к победе, они только огрызались, а тут как будто второе дыхание открылось.

– Держитесь, братцы! – до Мелехова долетел крик кого-то из солдат. Его солдат! Как же и им тяжело держаться, но нужно!

Бум-м-м-м! Басовитый гул пристрелочного выстрела 120-миллиметровой морской пушки разнесся над полем боя. Обычно Макаров использовал артиллерию против японской пехоты. Но не сегодня! В этот раз, пользуясь преимуществом в дистанции, маневренности и мощности залпа, 4 новые тяжелые пушки 22-го полка били по японским батареям. Тем, что еще недавно беспощадно косили ряды тобольцев, а значит...

– Пора... – Мелехов вышел вперед, вскинул вверх руку с зажатой в ней саблей и обвел взглядом ближайшие ряды солдат. – Я знаю, что вы устали! Я знаю, вы уже сделали столько, что про вас не то что в газетах будут писать, про вас песни можно петь! Но сегодня мы должны

² В нашей истории в сражении при Вафангоу такой же обход не заметил генерал Штакельберг, так что мы решили отдать долг Оку и подарить ему этот успех. А вот двойной обход Иноуэ – это уже только его личная заслуга после сражений с главным героем. Учитывая, как быстро японцы учились, мы решили, что это было бы совершенно логично.

сделать еще больше! Мы – русские солдаты, поэтому мы справимся! Даже если умрем, то все равно справимся! Ура!

По сигналу подполковника приданный им капельмейстер Доронин заиграл сигнал к атаке, а потом они все вместе пошли вперед. Быстрее! Шаг начал переходить в бег, строй поплыл, но они это тренировали. Один батальон распался на роты, потом на взводы, и вот в них уже даже на бегу каждый знал свое место. Прикрыть огнем соседа, потом перебежать самому. Попался японский «свисток» – ничего страшного, снайперы, идущие во второй линии, следят и уже скоро снимут пулеметную команду, благо у французского Гочкиса даже щитка нет, чтобы укрыться. А значит, еще рывок. И еще!

Двести метров до японцев! Мелехов вел своих чуть в стороне от тобольцев, чтобы те, не зная, чего ждать, не помешали. Время собирать взводы обратно в роты и батальоны – словно пальцы сжались перед ударом. А теперь... Сначала вперед вылетели тачанки с пулеметами, разбивая плотные построения так и не успевших окопаться врагов – это пощечина. Она не может убить, только злит, отвлекает. И когда японцы потеряют концентрацию, последует уже настоящий удар кулаком.

Время! Мелехов увидел, как упал японский офицер, пытающийся успокоить своих солдат.

– Ура! В атаку! – крик вырвался из груди словно рык, а через мгновение 2-й усиленный батальон 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка обогнал его, пролетел отделяющие от противника две сотни метров и с ходу врезался в японские ряды.

Глава 6

Главное, не грызть ногти! Увидят – опозорюсь же! На мгновение эта глупость полностью накрыла сознание, но я сумел взять ее под контроль. Даже без привычного поднимающегося из глубины души холода, который раньше помогал в самые тревожные моменты.

– Они не отступают! – рядом ругался поручик Зубцовский.

– Вот же герои, мать их! – я тоже не удержался от крепкого словца.

И ругались мы вовсе не на японцев, а на наших. Вместо того, чтобы спокойно откатиться на новые позиции, которые все еще продолжали готовить наши пленные под присмотром Шереметева, части 2-го Сибирского корпуса, смешавшись с японцами, продолжали перемалывать друг друга. А я неожиданно оказался перед выбором, которого не пожелал бы и врагу. Отойти одному, чтобы сохранить верных мне людей, или же вмешаться в эту мясорубку и попробовать что-то исправить?

Впрочем, кого я обманываю? Не будет у меня людей, если сбежать после такого – это раз! А еще... Не было такой бойни при Вафангоу в моей истории, а значит то, что случилось – это и моих рук дело. Вот и два! Хватит? Или нужно вспомнить еще про присягу, про потери, которые вырастут в разы, если не взять хаос под контроль? Не нужно! Я уже все решил.

– Коня, – приказал я Зубцовскому, потом ткнул пальцем в одного из связистов. – Ты! Хватай катушку и за мной!

Дальше, когда план начал обрастать деталями, стало немного проще. Я на коне и связист с помощниками на велосипедах преодолели часть пути, где до нас еще не могли дострельнуть. Потом я приказал остановиться.

– Что дальше, ваше высокоблагородие? – тяжело дышал связист, и это при том, что катушку, с которой разматывался провод, тащили без какой-либо его помощи. Кажется, паническая атака.

– Как зовут? – спросил я, помогая еще молодому парню прийти в себя.

– Евгений! Евгений Арсеньевич Чернов, вольноопределяющийся, приставлен к роте связи... – он сбился, закашлялся, но, кажется, стал чуть лучше соображать.

– Вот и хорошо, Евгений Арсеньевич, что вы вольноопределяющийся, значит, сами хотели помочь и точно не отступите.

– Никак нет! Не отступлю!

– Тогда пересаживаемся на 11-й номер...

– Что за 11-й номер? – удивился парень, совсем забыв про недавно трясший его страх.

– Значит, пешком, на своих двоих, – улыбнулся я. – Берем катушку и тащим дальше.

– Есть тащить дальше!

С этого момента молодой связист помогал солдатам справляться с его же оборудованием, а я прокладывал нам маршрут, чтобы добраться до тылов правого фланга, не привлекая лишнего внимания. Вышло на удивление просто, а так как я заранее заметил одного из капитанов, то до него получилось добраться довольно быстро.

– Имя, звание... Кхм, в смысле чин! – рявкнул я, остановившись перед офицером с одной красной полоской на погонах.

– Капитан Катырев! – тот сразу же вытянулся, несмотря на резаную рану в боку. Причем с облегчением: кажется, на появление кого-то старшего по званию никто уже не рассчитывал.

– Доложите обстановку.

– Кхм...

– Какие приказы были получены? – я помог капитану.

– Сначала полковник Семенов приказал держать позицию, потом его ставку накрыло артиллерией.

– Где командование корпусом?

– Не знаю, – капитан тряхнул головой. – Ваше высокоблагородие, японцы как навалились с тыла, так новых приказов не поступало.

Кажется, обход и удар в тыл дивизии Иноуэ оказался даже страшнее, чем я думал изначально.

– Что ж, тогда слушайте приказ! – я говорил громко по примеру Хорунженкова, чтобы меня слышали не только несколько выживших офицеров, но и солдаты. – Никаких атак! Собирайте всех своих и до кого дотянетесь на позициях и будьте готовы! Оставляю с вами вольноопределяющегося Чернова, он наладит связь и, когда придет время, передаст мой приказ.

– Какой приказ? – выдохнул капитан.

– Прикрывать тех, кто отходит, потом отходить самим.

– Значит, опять поражение? – и столько обиды было в словах Катырева, что он сам не заметил, как на глазах выступили слезы.

– Почему опять?! – я снова фактически орал, чеканя каждое слово. – Вот наш 22-й полк сначала разбил 5-ю дивизию Оку, потом взял Цзиньчжоу, теперь мы громим с тыла батареи врага и вас прикрываем! Так какое поражение, капитан? Просто сражаться нужно, когда ты к этому готов, а не когда тебя поймали со спущенными штанами! Все ясно?!

– Так точно, господин полковник! – вот теперь капитан окончательно пришел в себя.

Я же продолжил движение вдоль линии фронта. Пешком было бы долго, на лошади слишком высоко, а вот на велосипеде Чернова – в самый раз. Не знаю, видели ли солдаты до этого полковников на велосипедах, но немного удивления было в самый раз, чтобы выбить их из шокового состояния. Я ехал, встряхивая командиров и протягивая все новые и новые линии связи.

– Не забудьте проследить, чтобы после укладки кабель засыпали для защиты от повреждений, а потом протянули еще и вторую линию! Эту уже сразу под землей! – я отдал последний приказ на сегодня.

По крайней мере на передовой. Больше времени заниматься этим лично у меня не было. Четыре капитана, каждый из которых фактически встал на целый полк, один полковник, принявший на себя бригаду. Да, я смог найти и собрать не столь уж и многих, но, главное, процесс запущен! Дальше линии связи они будут протягивать и сами, и там, даст бог, меня услышит уже достаточно людей, чтобы остатки корпуса смогли начать движение.

Вернувшись, я обнаружил, что успел вовремя. Японцы как раз подтянули поближе свою батарею, чтобы вступить с Афанасьевым в артиллерийскую дуэль, и тот собирался ее принять. Пришлось прочищать мозги теперь уже ему, немного орать – кажется, у меня начал срываться голос – но в итоге капитан меня понял правильно. Зачем давать врагу шансы, если можно уничтожить его чисто. Поэтому приданные батареи нестроевые с потом и кровью, но загрузили морские пушки обратно в вагоны-теплушки, мы отвезли все на полкилометра в сторону и снова развернули батарею.

– Действительно, очень разумно, – Афанасьев вытирал пот, проверял прицелы и говорил со мной одновременно. – Японцам нас не достать, мы же их бьем! Вот только они ведь не сдадутся, снова попытаются подобраться!

– И это будет лучшим продолжением, – ответил я. – Смотрите, пока они возят свои пушки, пока боятся, что мы выбьем любую их батарею, то не стреляют по нашим пехотным позициям, и те впервые с самого утра получили возможность прийти в себя!

– Ну а что нам делать? – спросил Афанасьев.

– Да точно так же! Пока есть дорога, пока есть люди, которые смогут тягать пушки – берете и раз за разом переезжаете! Сейчас вы приносите пользу даже не тем, что убиваете врага, а самим фактом своего присутствия, что не даете убивать наших. И чем дольше это равновесие продержится, тем лучше!

Закончив с артиллерией, я проверил, как идут дела у медиков. Как только я понял, что запасные позиции понадобятся нам еще нескоро, то изменил схему развертывания госпиталя. Вернее, самих врачей так и расположили за второй линией Мелехова, а вот ветку тахтаревки пустили прямо по тылам 2-го Сибирского. Секций у нас было немного, но даже так, раз-другой проехавшись за боевыми порядками, поезд оказался забит меньше чем за полчаса.

Дальше были новые маневры – вывезти вагоны поближе к основной железной дороге, перегрузить раненых, параллельно пропустив их через сортировку. Легкие остались тут же, в тылу, чтобы в ближайшее время вернуться в строй, самые сложные случаи сразу тащили к себе на стол доктора Слащева, а вот средние... Тех грузили в отдельный состав и готовили к отправке в Ляоян. Еще три ходки на первую линию, и мы, выкинув вообще все, что только привезли с собой с юга, забили его полностью. Больше двух тысяч человек, которые бы точно умерли, если бы мы не смогли им помочь.

– Илья Генрихович, – инструктировал я фельдшера Короленко, поставленного старшим на эшелон. – Запомните свою задачу! Доставить людей, передать в госпиталь, потом вернуться! У нас тут будет еще много тех, кто без этого поезда не выживет, так что... Если вас будут останавливать интенданты, обещайте им от моего лица любые взятки. Если помешают офицеры, опять же от моего лица обещайте им любую сатисфакцию и дуэли!

– А если генералы?... – Короленко не договорил, но и так было понятно. Если эшелон задержат генералы, то шансов у простого фельдшера что-то с этим сделать просто не будет.

– Если генералы, – решил я, – тогда идете в госпиталь, ищите хорунжего Буденного и говорите, что я приказал ему угнать поезд и привезти его сюда. Любой ценой!

Фельдшер побледнел, но кивнул, а я еще несколько минут стоял на месте, провожая взглядом уходящий состав. Не сбить нас с верного пути, нам пофигу куда идти... Будет тяжело, на передовой и в тылу, но мы справимся! Очень хотелось по-простому крикнуть поручику Зубцовскому, чтобы тащил мою мосинку, и поспешить поближе к первой линии, вот только то, что я мог себе позволить с парой рот, было совершенно немыслимо, когда под моей рукой оказался полк. Вернее, даже целый корпус, в котором так четко и слаженно выбили почти всех офицеров!

Я в очередной раз задумался над тем, насколько же японцам порой везет на этой войне. Да, им удался обход и даже быстрый удар по тылам, но... Каковы были шансы, что они врежут прямо по ставке Одишелидзе, что заодно выбьют столько старших офицеров, чуть не превратив целый корпус в толпу? С другой стороны, будь тут больше старых командиров, уже я бы не смог перехватить командование.

– Какие новости? – я вернулся к своему штабу и внимательно посмотрел на поручика Городова, старшего среди моих связистов.

– Протянули провод еще в два полка, – начал докладывать тот. – Таким образом мы полностью контролируем правый фланг, не считая тобольцев, которые продолжают действовать самостоятельно.

Что и требовалось доказать. Есть свой офицер, и полк чихать хотел на любые попытки договориться.

– Центр?

– Контролируем частично.

Значит, если начнем отход сейчас, половина корпуса окажется в подвешенном состоянии. То ли пойдут за организованно действующими частями, то ли останутся на месте. Не годится.

– Продолжаем наращивать линии связи, – решил я. – Провода хватает?

– Благодаря взятым у японцев катушкам даже с запасом!

Я кивнул и продолжил следить за схваткой, которая постепенно все больше задыхалась, и в этом не было ничего удивительного. Японцы хотели давить, но наша более мощная и подвижная батарея нарушила им все планы. Еще и полки, до которых я успел добраться, один за дру-

гим от попыток прорыва переходили к позиционной обороне, цементируя остальные позиции. Потери... Потери были, и их было много, но и японцы в этот день умылись кровью.

– Господин полковник! – Мелехов не выдержал и подъехал ко мне лично, в очередной раз требуя отправить его в бой.

– Позиции готовы?

– Три километра укреплений вырыли! Японцев уже отвели еще дальше в тыл! Мы готовы!

– Готовы? – я задумался. Действительно, как бы не перегорели все. – Тогда я начну отводить полки с передовой, с вас же... Офицеры чтобы все не разбредись, а заняли новые позиции. И прикрытие! Нам ведь не только людей нужно достать, но и все припасы утащить.

– Так... Может, ночью? – немного смутился Мелехов. – Враг отойдет, и мы спокойно займем новые позиции.

– Не будет отхода, – я покачал головой, и еще раз бросил взгляд в сторону японцев. – В темноте интенсивность боев упадет, но ничего не прекратится.

Мелехов в итоге мне так и не поверил: спорить не стал, но не могло уложиться у него в голове, что кто-то будет сражаться в полной темноте. А японцы действительно продолжали давить... К счастью, благодаря связи у нас была возможность поддерживать друг друга и выбирать лучший момент для отхода на новые позиции. У меня даже получилось выделить несколько минут, чтобы заглянуть к раненым, ожидавшим возвращения санитарного поезда.

– Вячеслав Григорьевич, а вас тут ждут, – прямо на входе подхватил меня под руку Слащев.

Я думал, что понадобился по медицинским вопросам, и уже хотел было вывернуться, все же не время, но, как оказалось, со мной хотел поговорить вовсе не доктор.

– Полковник... – хриплый голос звучал словно наждачка, но я все равно его узнал.

– Ваше превосходительство, – ответил я генерал-майору Одишелидзе, не удержавшись от усмешки.

– Чин надо было подтвердить делом, но у меня не вышло, – глаза моего недавнего противника выглядели тускло и безжизненно. – Спасибо, что не дали превратить мое поражение в разгром, и еще... Я просил вас позвать, чтобы рассказать, как именно шел бой. Возможно, понимание моих ошибок позволит вам уберечь побольше людей.

Одишелидзе закашлялся: его явно мучило, но он все равно собирался довести дело до конца. Упертый, как и всегда! Впрочем, его рассказ оказался на самом деле полезным. Как оказалось, начало сражения с Оку у него прошло на равных. Первая дивизия сдержала натиск японцев, но проиграла артиллерийскую дуэль, вторая же, наоборот, удачно поработала на дистанции, но вот успехов на земле у нее не было.

– Бой словно завис в равновесии, – рассказывал бывший полковник, а я невольно думал, как же это похоже по описанию на сражение у Вафангоу в моей истории. Словно та любой ценой стремилась вернуться к привычному течению времени. – И вот на нашем левом фланге показались новые отряды японцев. По донесениям разведки их было почти 80 тысяч, мне пришлось свернуть все атакующие операции, и Оку тут же начал обход с другого фланга, забираясь нам в тыл.

Я грустно прикрыл глаза. Откуда? Откуда, черт побери, разведка могла брать такие безумные цифры?

– Генерал Самсонов отвел свою кавалерию без боя?

– Это было разумное решение, – Одишелидзе говорил совсем не то, что думал. – У него из прикрытия было всего 9 легких пушек. С такими силами против готовой к бою пехотной дивизии, у его кавалерии не было и шанса.

– Против него был полк, – рассказал я то, что узнал уже из рассказов других офицеров. – Причем полк, который прошел за час почти шесть километров, то есть растянутый донельзя, и против нашей бригады в тот момент было в лучшем случае несколько рот.

– Как неприятно. А те силы на левом фланге?
– Это была кавалерийская бригада генерала Акиямы.
– Всего бригада? Значит, разведка ошиблась?
– Раз в двадцать! Тем не менее, даже с такими силами Акияма не испугался пойти в атаку.
– На тех куцых японских лошадаках?! В лоб на винтовки и пушки?
– Реального сражения не было. Но он показал свою решимость, и ваши офицеры решили отойти.

Одишелидзе ненадолго замолчал, переваривая и осозная все ошибки и случайности, что навалились на него.

– А потом был обход Иноуэ! – наконец, заговорил бывший полковник. – Он пригнал тысячи китайцев, за считанные часы протянул новую ветку железки и подтащил почти 40 орудий, чтобы простреливать последнюю дорогу, соединяющую нас с Ляояном. Еще и первый залп вышел таким неудачным... Меня, штаб – всех накрыло, и дальше начался хаос! Я видел потери, только сейчас в госпитале несколько тысяч человек, а ведь часть уже увез поезд.

Честно, не ожидал, что этот человек может испытывать сожаление, но именно оно сейчас отражалось на лице Одишелидзе... Вряд ли бы он стал устраивать подобное представление ради меня, и я решил немного подбодрить своего недавнего врага:

– Если вам будет легче, то потери японцев точно не меньше. А те батареи, что они завезли вам в тыл, мы вынесли!

– Что?

– Уничтожили! Они, конечно, хитро поступили, но, сделав один маневр, совершенно лишили себя возможности совершить новые. Кстати, вы когда планируете вернуться в строй?

Быстро закончив с сочувствием, я задумался о более насущном. А что будет, если сейчас Одишелидзе решит перехватить нити управления? Насколько хватит его внезапной разумности и благодарности? Может, стоит его превосходительство временно усыпить? Исключительно в медицинских целях.

– Я не буду мешать вам довести это бой до конца, – неожиданно удивил меня бывший полковник.

– Эм. Спасибо?

– Вы, наверно, не понимаете, – Одишелидзе потер пропитавшуюся кровью повязку на голове. – То, что я проиграл этот бой, уже случилось. И в то же время именно ваше появление – лучшее из того, что могло произойти.

– Потому что я подправил положение?

– Потому что именно вы с вашей репутацией не сделаете мое поражение хуже, чем оно есть. Как непременно было бы, окажись на вашем месте и помоги мне кто угодно еще.

– Я не понимаю, – честно признался я.

– Да, я уже заметил, что вы стараетесь держаться в стороне от офицерских интриг, – махнул рукой Одишелидзе и потом на пальцах объяснил мне, как на самом деле я выгляжу со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.